Ученик

Автор:
Тесс Герритсен

Ученик

Тесс Герритсен

Джейн Риццоли и Маура Айлз #2

Упрятав за решетку серийного маньяка по прозвищу Хирург, детектив Джейн Риццоли надеялась навсегда забыть о том ужасе, который она пережила, попав в его ловушку. Однако при расследовании очередного убийства у нее вдруг возникает жуткое ощущение дежавю. Преступник воспроизводит некоторые детали почерка Хирурга, хотя его жертвами становятся не одинокие женщины, а семейные пары. Неужели у Хирурга появился подражатель?

Тесс Герритсен

Ученик

Посвящается Террине и Майку

Tess Gerritsen

THE APPRENTICE

Copyright © 2002 by Tess Gerritsen

All rights reserved

© И. Литвинова, перевод, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2015

Издательство АЗБУКА

Благодарности

На протяжении работы над книгой меня окружала замечательная команда единомышленников, которые подбадривали меня, помогали советами, подпитывали эмоциями, а иначе я не могла бы двигаться вперед. Большое спасибо моему агенту, подруге и путеводной звезде Мег Рули, а также Джейн Берки, Дону Клири и всему необыкновенному коллективу Агентства Джейн Ротрозен. Я в высшей степени признательна моему превосходному редактору Линде Марроу; Джине Сентрелло за ее неиссякаемый энтузиазм; Луису Мендесу, который посвящал меня в тонкости дела; Джилли Хейлпарн и Мари Кулман, которые поддержали меня в те мрачные дни после 11 сентября и помогли благополучно вернуться домой. Спасибо Питеру Марсу за информацию о работе Бостонского управления полиции и Селине Уокер за моральную поддержку.

Особую благодарность я выражаю своему мужу Джекобу, который не понаслышке знает, как трудно жить с писательницей, – но все равно мы вместе.

Пролог

Сегодня я наблюдал, как умирает человек.

Этого никто не ожидал, и мне до сих пор не верится, что такая драма произошла у меня на глазах. Так много в жизни волнующих моментов, предугадать которые мы не в силах, а потому нужно учиться смаковать их, ценить, ведь они вносят разнообразие в наше монотонное существование. А мои дни тянутся особенно медленно – здесь, в этом мире за высокими стенами, где люди пронумерованы и различаются не по именам, не по Богом данным талантам, а исключительно по статьям совершенных преступлений. Мы одинаково одеты, едим одинаковую пищу, читаем одни и те же потрепанные книги из тюремной библиотеки. И дни похожи один на другой. Пока вдруг какое-нибудь происшествие не напомнит о том, что жизнь непредсказуема.

Именно это и произошло сегодня, второго августа, которое выдалось невыносимо жарким и солнечным – как раз как я люблю. Пока другие потеют и шаркают по тюремному двору, словно полусонное стадо, я стою посреди спортивной площадки, подставив лицо солнцу, как ящерица, млеющая от жары. Мои глаза закрыты, так что мне не видно, как вонзается в тело нож и как жертва, пошатнувшись, падает. Но я слышу гул взволнованных голосов и открываю глаза.

В углу тюремного двора истекает кровью человек. Остальные разбредаются по сторонам, привычно нацепляя маску равнодушия: «Ничего не вижу, ничего не знаю».

Я один подхожу к лежащему человеку.

Какое-то мгновение я просто стою и смотрю на него сверху вниз. Его глаза открыты и пока видят – хотя бы мой черный силуэт на фоне сияющего неба. Он молод, у него совсем светлые волосы, а бородка едва ли гуще пушка. Он открывает рот, и наружу вырываются пузырьки розовой пены. Кровавое пятно растекается на его груди.

Я опускаюсь на колени возле него, разрываю на нем рубаху, оголяя рану чуть левее грудины. Лезвие ножа прошло прямо между ребер и явно задело легкое, а может, и предсердие. Рана смертельная, и он это знает. Он пытается заговорить со мной, его губы беззвучно шевелятся, глаза пытаются поймать фокус. Он хочет, чтобы я наклонился ближе – возможно, чтобы услышать какое-нибудь предсмертное признание, но меня совершенно не интересует то, что он хочет сказать.

Гораздо больше меня занимает его рана. Его кровь.

Я хорошо знаю, что такое кровь. Я знаю ее вплоть до мельчайших элементов. Через мои руки прошло бессчетное количество пробирок с кровью, я имел возможность любоваться всеми оттенками ее красного цвета. Я гонял ее по центрифугам, сортируя по двухцветным пакетикам клетки, отделяя желтоватую сыворотку. Мне знаком ее блеск, ее шелковистая текстура. Я видел, как атласным потоком струится она из свежего надреза на коже.

Кровь сочится из его груди, словно божественная вода из святого источника. Я прижимаю ладонь к ране, окуная ее в теплую жижу, и кровь покрывает мою руку, словно алая перчатка. Он думает, что я пытаюсь помочь ему, и в его глазах вспыхивает искорка благодарности. Скорее всего, в короткой жизни парня было совсем мало доброты; какая ирония судьбы – меня вдруг ошибочно приняли за благодетеля.

У меня за спиной раздается шарканье сапог и слышится грубый окрик: «Назад! Всем назад!»

Кто-то хватает меня за рубашку и оттаскивает прочь от умирающего. Во дворе пыль столбом, воздух наполнен криками и бранью – наше стадо загоняют в угол. Орудие убийства – нож – остается валяться на земле. Охрана требует ответов, но никто ничего не видел, никто ничего не знает.

Как всегда.

Я держусь чуть в стороне от остальных; меня здесь побаиваются. Поднимаю руку, с которой все еще капает кровь умершего, и вдыхаю ее сладковатый, с примесью металла запах. По одному только запаху я могу определить, что это молодая кровь, вытекшая из молодой плоти.

Заключенные таращат на меня глаза, и пропасть между нами становится еще шире. Они знают, что я другой; они всегда это чувствовали. Даже эти отъявленные злодеи поглядывают на меня с опаской, потому что понимают, кто я такой и на что способен. Я вглядываюсь в их лица, пытаясь отыскать среди них кровного брата, под стать мне. И не нахожу его даже здесь, в этом скопище монстров.

Но он существует. Я знаю, что не одинок на этой земле.

Где-то есть единомышленник. И он ждет меня.

1

Уже слетались мухи. За четыре часа на жаркой мостовой южного Бостона растерзанная плоть успела поджариться и теперь источала особые запахи, которые, словно гонг к обеду, созывали насекомых. Хотя то, что осталось от тела, было накрыто простыней, стервятникам еще было чем поживиться. В радиусе тридцати футов были разбросаны ошметки мозга и прочие останки. Кусок скальпа застрял на втором этаже дома, зацепившись за цветочный ящик, а лохмотья кожи приклеились к припаркованным автомобилям.

Детектив Джейн Риццоли никогда не жаловалась на желудок, но даже ей пришлось остановиться; закрыв глаза и сжав кулаки, она злилась на себя за минутную слабость. Держись. Держись. Она была единственной женщиной-детективом в отделе убийств Бостонского полицейского управления и знала, что постоянно находится под безжалостным прицелом критики со стороны коллег. Любой ее промах, как и триумф, неизменно привлекал всеобщее внимание. Ее партнер Барри Фрост уже успел умять свой завтрак и теперь сидел в прохладном салоне автомобиля, уронив голову на колени и ожидая, пока уляжется буря в животе. Но она не могла себе позволить поддаться тошноте. Она была единственным представителем власти на месте происшествия, и толпа, собравшаяся по ту сторону ленты полицейского оцепления, внимательно наблюдала за ней, отмечая каждый ее шаг, каждую мелочь в ее внешнем облике. Она знала, что выглядит моложе своих тридцати четырех лет, и старалась держаться строго и официально. Недостаток роста она компенсировала прямым взглядом, а широкие плечи добавляли ей солидности. Она уже научилась доминировать на месте расследования, и не в последнюю очередь благодаря своей дотошности.

Но эта жара явно подрывала ее решительный настрой. Дежурство она начала в своем обычном блейзере и узких брюках, с тщательно уложенной прической. Теперь же блейзер был снят, блузка помялась, а влажный воздух превратил ее темные волосы в копну непослушных кудряшек. Она чувствовала себя словно в

западне, зажатая запахами, мухами и палящим солнцем. Сосредоточиться было невозможно. Тем более что на нее были устремлены сотни глаз.

Ее внимание привлекли громкие голоса. Мужчина в рубашке и галстуке пытался пробиться через оцепление и спорил с полицейским:

– Послушайте, мне надо попасть на конференцию, вы понимаете? Я уже и так на час опоздал. Вы оцепили мою машину этой чертовой лентой и теперь заявляете, что мне нельзя ехать. Это моя собственность, черт возьми!

– Здесь место преступления, сэр.

– Но это же несчастный случай!

– Мы еще не установили точно.

– Вам что, целый день для этого нужен? – кипятился мужчина. – Почему вы не обращаете на нас внимания? Вся округа слышала, как это произошло!

Риццоли подошла к мужчине, который уже обливался потом. Было половина двенадцатого, и солнце, приближаясь к зениту, просто неистовствовало.

– Что именно вы слышали, сэр? – спросила она.

Мужчина фыркнул:

– То же самое, что и все остальные.

– Громкий удар?

– Да. Примерно в половине восьмого. Я как раз выходил из душа. Выглянул в окно, а он там лежит, на тротуаре. Вы сами видите, здесь опасный поворот. Эти сумасшедшие водители вылетают из-за угла, словно летучие мыши из преисподней. Его, должно быть, сбил грузовик.

– Вы видели грузовик? – оживилась Риццоли.

– Нет.

– Может, слышали?

– Нет.

– И легковую машину тоже не видели?

– Легковушка, грузовик, какая разница? – Он пожал плечами. – Все равно это наезд.

Ничего нового она не узнала: то же самое повторяли и с десяток его соседей. Где-то между четвертью и половиной восьмого утра на улице раздался громкий удар. Самого столкновения никто не видел. Люди просто слышали шум, а потом обнаружили тело мужчины. Риццоли уже обдумала и отвергла версию о прыжке с крыши. Все дома в округе были двухэтажными, и такая высота никак не могла объяснить столь катастрофические увечья. Точно так же она не обнаружила и следов взрыва, который мог бы порвать тело в клочья.

– Послушайте, теперь я могу забрать свою машину? – не унимался мужчина. – Вон тот зеленый «форд».

– Тот, у которого кузов обляпан мозгами?

– Да.

– А вы сами-то как думаете? – резко бросила Риццоли и отошла в сторону, присоединившись к судмедэксперту, который, сидя на корточках, обследовал асфальт. – Люди здесь какие-то чудны?е, – сказала она. – Всем наплевать на убитого. И похоже, никто его не знает.

Доктор Эшфорд Тирни даже не поднял на нее глаз, продолжая осматривать дорогу. Сквозь редкие седые пряди блестел его взмокший от пота череп. Никогда еще она не видела доктора Тирни таким старым и уставшим. Пытаясь встать, он в молчаливом призыве о помощи протянул ей руку. Она взяла его за руку и почувствовала, как скрипят его усталые кости и пораженные артритом суставы. Этот пожилой джентльмен, южанин, родом из Джорджии, никогда не

симпатизировал грубоватым бостонским манерам Риццоли, а она в свою очередь недолюбливала его за формализм. Пожалуй, их связывали только трупы, которые проходили через руки доктора Тирни. Но сейчас, помогая ему подняться, она вдруг поймала себя на мысли, что тронута его немощью, и почему-то сразу вспомнила своего деда, у которого была любимой внучкой – возможно, потому, что он узнавал в ней себя, такого же гордого и хваткого. Она помнила, как помогала ему вставать с инвалидного кресла, как безвольно лежала у нее на плече его парализованная после инсульта рука. Даже такие могучие мужчины, как Альдо Риццоли, бессильны против времени, которое безжалостно калечит их кости и суставы. То же самое происходило и с доктором Тирни.

– Таким «висяком» только карьеру завершать, – сказал он, достав из кармана носовой платок и утирая пот со лба. – Придете на вечеринку по случаю моего ухода на пенсию, детектив?

– Э-э… какую еще вечеринку? – спросила Риццоли.

– Ту самую, которую вы все готовите для меня в качестве сюрприза.

Она вздохнула. И призналась:

– Конечно приду.

– Ха. Я всегда знал, что от вас можно получить прямой ответ. Так она состоится на следующей неделе?

– Через две недели. И я вам ничего не говорила, идет?

– Я рад, что вы сказали. – Он опустил взгляд. – Честно говоря, не очень-то люблю сюрпризы.

– Ну и что же мы здесь имеем, док? Наезд?

– Похоже, удар произошел на этом месте.

Риццоли посмотрела на большую лужу крови. После чего перевела взгляд на покрытое простыней тело, которое лежало на тротуаре на расстоянии в добрых двенадцать футов.

– Вы хотите сказать, что сначала он ударился о землю здесь, а потом отскочил туда? – спросила она.

– Похоже на то.

– Тогда это должен быть огромный грузовик, судя по разбросу останков.

– Не грузовик, – загадочно произнес Тирни.

Он двинулся вдоль тротуара, не отрывая взгляда от асфальта.

Риццоли следовала за ним, отмахиваясь от назойливых мух. Тирни остановился шагах в тридцати и указал на сероватый ком у обочины.

– Еще фрагменты мозга, – заметил он.

– Так это не мог быть грузовик?

– Нет. И вообще не автомобиль.

– А как же следы шин на рубашке жертвы?

Тирни выпрямился и обвел глазами улицу, тротуары, здания.

– Вы не находите ничего удивительного в этом месте, детектив?

– Нет, кроме того, что здесь лежит мертвый парень, у которого вышибло мозги.

– Посмотрите на место столкновения. – Тирни жестом указал на тот участок дороги, который недавно осматривал. – Видите, как беспорядочно разбросаны части тела?

– Да. Его разнесло по всей округе. Место столкновения в самом центре.

– Правильно.

– Это оживленная улица, – сказала Риццоли. – Автомобили действительно вылетают из-за того угла на высокой скорости. Кроме того, на рубашке жертвы видны следы протектора.

– Давайте-ка еще разок посмотрим на эти отметины.

Пока они шли к трупу, к ним присоединился Барри Фрост, который наконец вылез из машины. Вид у него был неважный.

– Боже, о боже, – стонал он.

– С тобой все в порядке? – участливо спросила Риццоли.

– Думаешь, я мог подцепить что-то вроде желудочного гриппа?

– Или того хуже.

Ей нравился Фрост, всегда жизнерадостный и безропотный, но видеть его таким нытиком было невыносимо. Она похлопала его по плечу и по-матерински улыбнулась. Фросту, казалось, было приятно такое нежное участие, пусть даже со стороны Риццоли, которая никак не годилась на роль матери.

– В следующий раз я прихвачу для тебя пакет, чтобы ты мог блевать спокойно, – пообещала она.

– Знаешь, – продолжал он, семеня за ней, – мне все-таки кажется, что это грипп…

Они подошли к трупу. Тирни, преодолевая сопротивление суставов, присел на корточки и откинул простыню. Фрост побелел и отпрянул. Риццоли с трудом поборола инстинктивное желание сделать то же самое.

Туловище было разорвано на две части, примерно на уровне пупка. Верхняя половина в бежевой рубашке из хлопка растянулась с востока на запад. Нижняя часть – в голубых джинсах – лежала в направлении с севера на юг. Половинки соединялись обрывками кожи и мышц. Внутренние органы валялись рядом мягкой бесформенной массой. В черепе, расколовшемся от удара, зияла огромная дыра, из которой и вытек мозг.

– Молодой мужчина, упитанный, предположительно латиноамериканского или средиземноморского происхождения, возраст от двадцати до тридцати лет, – произнес Тирни. – Очевидны повреждения грудного отдела позвоночника, ребер, ключиц и черепа.

– Так это все-таки мог быть грузовик? – продолжала допытываться Риццоли.

– Конечно, нельзя исключать вероятность того, что грузовик мог нанести столь многочисленные и тяжелые травмы. – Тирни пристально посмотрел на детектива. – Но такой грузовик еще поискать надо. Или вы видели нечто подобное?

– К сожалению, нет, – призналась она.

Фросту наконец удалось выдавить из себя комментарий:

– Знаете, мне кажется, что это не следы шин.

Риццоли вгляделась в темные потеки на рубашке жертвы и, коснувшись пальцем одного из пятен, стала изучать его отпечаток на латексе перчатки. Какое-то время она молчала, переваривая новую информацию.

– Ты прав, – сказала она. – Это не след шины. Это смазка.

Она выпрямилась и оглядела дорогу. На асфальте не было следов торможения, как не было ни битого стекла, ни обломков пластика, которые неизбежно должны были бы остаться после такого столкновения.

На какое-то мгновение все замолчали. И многозначительно переглянулись, когда единственно возможное объяснение осенило всех одновременно. Словно в

подтверждение внезапной догадки над головой с ревом пролетел самолет. Риццоли покосилась вслед «Боингу-747», шедшему на посадку в международный аэропорт Логан, в пяти милях к северо-востоку.

– О боже, – вздохнул Фрост, щурясь от солнца. – Какая жуткая смерть. Скажите, что он был уже мертв, когда падал.

– Не исключено, – успокоил его Тирни и добавил: – Я бы предположил, что он сорвался, когда самолет выпустил шасси. Если, конечно, это был прибывающий самолет.

– Ну да, – согласилась Риццоли. – Сколько нелегалов пытаются любым способом выбраться из страны. – Она посмотрела на смуглое лицо жертвы. – Итак, предположим, он выпал из самолета, летевшего из Южной Америки…

– Самолет летел на высоте не менее тридцати тысяч футов, – уточнил Тирни. – Ниши колес шасси не герметизируются. Этот парень, должно быть, пострадал от декомпрессии. Да плюс еще мороз. Даже в разгар лета температуры на такой высоте чрезвычайно низкие. Несколько часов в таких условиях – и наступает гипотермия, от недостатка кислорода человек теряет сознание. А может, его раздавило еще в тот момент, когда убрали шасси после взлета. Во всяком случае, путешествие в нише шасси ни к чему хорошему привести не могло.

Писк пейджера Риццоли прервал лекцию судмедэксперта. Монолог действительно грозил перерасти в лекцию, поскольку Тирни оседлал своего конька. Риццоли взглянула на высветившийся номер абонента, но не узнала его. Разве что бросился в глаза междугородный код Ньютона. Она достала сотовый телефон и набрала номер.

– Детектив Корсак слушает, – ответил мужской голос.

– Это Риццоли. Вы звонили мне на пейджер?

– Вы сейчас на сотовом, детектив?

– Да.

– Можете перезвонить с городского телефона?

– В данный момент – нет. – Она понятия не имела, кто такой детектив Корсак, и ей не терпелось свернуть разговор. – Может, скажете, в чем дело?

Последовала пауза. В трубке слышались чьи-то отдаленные голоса и треск полицейской рации.

– Я здесь на месте преступления, в Ньютоне, – произнес наконец Корсак. – Думаю, вам стоит приехать и посмотреть.

– Вам требуется помощь бостонской полиции? Я могла бы порекомендовать вам кого-то из сотрудников нашего отдела.

– Я пытался связаться с детективом Муром, но мне сказали, что он в отпуске. Поэтому я звоню вам. – Он опять сделал паузу, а потом добавил со значением: – Речь идет о том деле, которое вы вели с Муром прошлым летом. Понимаете, о чем я?

Теперь паузу взяла она. Риццоли было предельно ясно, что он имеет в виду. Воспоминания о том расследовании до сих пор являлись ей в ночных кошмарах.

– Продолжайте, – тихо произнесла она.

– Запишете адрес? – спросил он.

Она достала свой блокнот.

Уже через мгновение она вновь внимательно слушала доктора Тирни.

– Я видел подобные травмы у парашютистов, которые погибали из-за нераскрывшихся парашютов, – сказал он. – С такой высоты тело падает с предельной скоростью, примерно шестьдесят метров в секунду. Этого достаточно, чтобы вызвать расчленение. Что мы здесь и наблюдаем.

– Чертовски дорогая плата за то, чтобы попасть в эту страну, – заметил Фрост.

В небе опять раздался рев самолета, и его тень пронеслась над ними, словно гигантская птица.

Риццоли устремила взгляд в небо. Представила, как падает тело с трехсотметровой высоты, как обжигает ледяной воздух, а потом становится теплее и стремительно приближается земля.

Она посмотрела на укрытые простыней останки человека, который дерзнул мечтать об ином мире, о счастливом будущем.

Добро пожаловать в Америку.

Ньютонский полицейский, стоявший в оцеплении перед домом, явно был новичком и Риццоли не узнал. Он остановил ее возле заграждения и обратился к ней грубоватым тоном, вполне соответствовавшим его новенькой форме. На именной бирке значилось: РИДЖ.

– Это место преступления, мэм.

– Я детектив Риццоли, Бостонское полицейское управление. Мне нужен детектив Корсак.

– Ваше удостоверение, пожалуйста.

Она не ожидала такой просьбы – пришлось долго копаться в сумке в поисках удостоверения. В Бостоне едва ли не каждый постовой знал, кто она. И вот стоило ей выехать за пределы своей территории, как она вынуждена подвергнуться унизительной процедуре предъявления документа. Отыскав корочку, Риццоли ткнула ею чуть ли не в нос дотошному полицейскому.

Едва взглянув на удостоверение, он тут же залился краской.

– Извините, мэм. Понимаете, тут есть одна назойливая репортерша, которая только что все-таки проскочила мимо меня. Я решил, что больше не допущу такого.

– Корсак там?

– Да, мэм.

Она обратила внимание на скопление служебных автомобилей, среди которых выделялся белый минивэн с надписью: «ШТАТ МАССАЧУСЕТС, СУДЕБНО-МЕДИЦИНСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА».

– Сколько трупов? – спросила она.

– Один. Его сейчас вынесут.

Полицейский приподнял ленту заграждения, пропуская Риццоли во двор. Щебетали птицы, в воздухе пахло свежескошенной травой. «Здесь тебе не южный Бостон», – подумала она. Пейзаж и в самом деле был безупречным: за аккуратно подстриженной живой изгородью открывался ухоженный палисадник и лужайка с ярко-зеленым газоном. Риццоли замедлила шаг, заглядевшись на крышу дома с налетом архитектурного стиля эпохи Тюдоров. «Прямо-таки владелец английского поместья», – мелькнуло у нее в голове. Да уж, о таком доме, да в столь престижном месте честному полицейскому и мечтать было непозволительно.

– Нехилая норка, да? – крикнул ей Ридж.

– Чем этот парень зарабатывал на жизнь?

– Я слышал, он был кем-то вроде хирурга.

Хирург. Для нее это слово имело особый смысл, от него веяло ледяным холодом, пробиравшим до костей даже в такую жару. Риццоли посмотрела на входную дверь и заметила, что ручка двери обработана порошком для снятия отпечатков пальцев. Набрав в грудь побольше воздуха, она надела латексные перчатки, а на ноги – бумажные бахилы.

В доме ее воображение поразили натертые до блеска дубовые полы и лестница, уходившая под самый купол, от высоты которого захватывало дух. Витражное окно пропускало цветные полоски света.

Зашуршали бумажные бахилы, и в холле возникла массивная фигура старшего офицера. Его деловой костюм с аккуратно завязанным галстуком безнадежно портили обширные пятна пота под мышками. Из закатанных рукавов рубашки торчали мясистые руки, поросшие темными волосами.

– Риццоли? – спросил он.

– Она самая.

Он подошел к ней для рукопожатия, но вдруг вспомнил, что уже надел перчатки, и опустил руку.

– Винс Корсак. Извините, что не мог сказать больше по телефону, но сегодня у всех есть «жучки». К нам и так уже прорвалась одна репортерша. Сука.

– Я в курсе.

– Послушайте, я понимаю, вы наверняка мучаетесь вопросом, какого черта вас сюда вызвали. Но я следил за вашей работой в последний год. Ну, знаете, эта серия убийств по делу Хирурга. И решил, что вам будет интересно посмотреть на это.

Она почувствовала, как пересохло в горле.

– Что у вас здесь?

– Жертва в гостиной. Доктор Ричард Йигер, тридцати шести лет. Хирург-ортопед. Это его дом.

Она бросила взгляд на витражное окно.

– Я смотрю, у вас тут в Ньютоне и убийства крутые.

– Я бы с радостью отдал их все бостонской полиции. Здесь такого по определению быть не должно. А уж подобного кошмара тем более.

Корсак провел ее через холл в гостиную. Риццоли буквально ослепил яркий солнечный свет, заливавший комнату сквозь стеклянную стену высотой в два этажа. Несмотря на присутствие криминалистов, которые до сих пор копошились на месте преступления, комната казалась просторной и пустой. Белые стены, блестящий деревянный пол.

И кровь. Как бы часто ни приходилось ей бывать на месте преступления, к виду крови она никак не могла привыкнуть. Вот и сейчас детективу казалось, будто кровавый хвост кометы отпечатался на стене, разбросав вокруг багровые брызги. А источник этого фонтана, доктор Ричард Йигер, сидел, привалившись к стене, со связанными за спиной руками. На нем были только боксерские трусы, ноги вытянуты вперед и обмотаны вокруг щиколоток скотчем. Голова безжизненно свесилась на грудь, заслоняя собой рану, которая и вызвала такую фатальную кровопотерю. Впрочем, Риццоли и без того было ясно, что ранение глубокое, задело и сонную артерию, и трахею. Она слишком хорошо знала последствия таких ранений и могла без труда составить картину последних мгновений жизни жертвы: вот лопается артерия, легкие наполняются кровью, бедняга пытается дышать через поврежденную трахею. И захлебывается собственной кровью. Пузырьки трахейной жидкости уже высохли на его голой груди. Судя по широким плечам и крепкой мускулатуре, мужчина был в хорошей физической форме и, разумеется, мог отразить любое нападение. И все же он умер со склоненной головой, в позе, выражающей полное смирение и покорность.

Двое санитаров морга уже приготовили носилки и теперь стояли возле трупа, примеряясь, как лучше взяться за окоченевшее тело.

– Когда медэксперт осмотрела его в десять утра, – сказал Корсак, – было зафиксировано изменение цвета кожи и полное трупное окоченение. На основании этого она сделала вывод, что смерть наступила между полуночью и тремя часами утра.

– Кто его нашел?

– Его медсестра. Когда сегодня утром он не явился в клинику и при этом не отвечал на телефонные звонки, она приехала сюда, чтобы проверить, не случилось ли чего. Это было около девяти утра. Следов присутствия жены не обнаружено.

Риццоли вопросительно взглянула на Корсака:

– Жены?

– Да, Гейл Йигер, тридцати одного года. Она исчезла.

Озноб, который ощутила Риццоли на пороге дома Йигера, вновь дал о себе знать.

– Похищение?

– Я просто сказал, что она исчезла.

Риццоли уставилась на Ричарда Йигера. Его мускулистое тело никак не вязалось со смертью.

– Расскажите мне об этих людях, об их браке.

– Счастливая пара. Так все говорят.

– Как всегда, – усмехнулась Риццоли.

– В данном случае, похоже, это правда. Они поженились всего два года назад. В прошлом году купили этот дом. Она работает операционной сестрой в его клинике, так что у них общий круг друзей, общие интересы.

– Слишком много общего.

– Да, я понимаю, что вы имеете в виду. Я бы рехнулся, если б моя жена торчала рядом целый день. Но они, кажется, прекрасно ладили. В прошлом месяце он взял отпуск на две недели, просто чтобы побыть с ней дома после кончины ее матери. Сколько, по-вашему, заколачивает хирург-ортопед за две недели, а? Пятнадцать, двадцать тысяч баксов? Дороговато за утешение супруги.

– Должно быть, она в этом нуждалась.

Корсак пожал плечами:

– Все равно.

– Выходит, вы не видите причин, почему она могла уйти от него.

– И уж тем более прикончить его, – добавил он.

Риццоли еще раз посмотрела на высокие окна гостиной. Деревья и кустарники плотной стеной окружали дом, полностью загораживая его от соседских взглядов.

– Вы сказали, что смерть наступила между полуночью и тремя утра.

– Да.

– Соседи что-нибудь слышали?

– Соседи слева – в Париже. О-ля-ля. Соседи справа крепко спали всю ночь.

– Есть следы вторжения?

– Да, через кухонное окно. Сетка вырезана. В цветнике следы подошв одиннадцатого размера. Эти же отпечатки, но уже в крови, в гостиной.

Он достал из кармана носовой платок и промокнул влажный лоб. Корсак был одним из тех несчастных, кому дезодоранты были слабыми помощниками. Всего за несколько минут, пока они разговаривали, круги у него под мышками стали еще заметнее.

– Ладно, давай отдирать его от стенки, – сказал один из санитаров. – Завалим его сначала на простыню.

– Осторожнее голову! Она отваливается!

– О боже!

Риццоли и Корсак молча наблюдали за тем, как доктора Йигера укладывают на одноразовую простыню. Труп окоченел, застыв в позе под прямым углом, и санитары долго спорили, как разместить его на носилках.

Риццоли вдруг заметила обрывок чего-то белого, валявшийся на полу – там, где только что находился труп. Она присела на корточки и подняла заинтересовавший ее предмет, оказавшийся осколком фарфора.

– Разбитая чашка, – сказал Корсак.

– Что?

– Рядом с жертвой были чашка и молочник. Похоже, упали у него с коленей или что-то в этом роде. Мы их уже упаковали, чтобы исследовать на предмет отпечатков. – Он заметил ее недоуменный взгляд и пожал плечами. – Не спрашивайте меня.

– Символический артефакт?

– Да. Ритуальное чаепитие для мертвеца.

Риццоли смотрела на крохотный осколок фарфора, который лежал у нее на ладони, и размышляла о том, что бы все это могло значить. Она чувствовала, как растет в груди тяжелый ком. И всплывает ощущение чего-то до боли знакомого. Перерезанное горло. Связанные скотчем конечности. Ночное вторжение через окно. Сонная жертва или жертвы, застигнутые врасплох.

И пропавшая женщина.

– Где спальня? – спросила она.

Ей совсем не хотелось видеть спальню. Она боялась увидеть ее.

– Отлично. Я как раз хотел, чтобы вы ее посмотрели.

Коридор, который вел к спальне, был увешан черно-белыми фотографиями. Но это были не привычные портреты улыбающихся супругов. На снимках застыли

обнаженные женские тела, а лица их обладательниц оставались в тени или прятались от объектива. Вот женщина обнимает дерево, и ее гладкая кожа трется о шершавую кору. Женщина сидит, наклонившись вперед, и ее длинные волосы каскадом падают на голые бедра. Женщина простирает руки к небу, ее тело блестит от пота после интенсивной тренировки. Риццоли остановилась перед одной из фотографий:

– А ведь это одна и та же женщина.

– Да, это она.

– Миссис Йигер?

– Похоже, они тут всякими извращениями занимались, не находите?

Риццоли уставилась на безупречное тело Гейл Йигер.

– Никаких извращений я тут не вижу. По-моему, красивые фотографии.

– Да уж, ничего не скажешь… Спальня здесь. – Корсак жестом указал на дверь.

Она остановилась на пороге спальни. Королевских размеров кровать была в полном беспорядке, как будто супругов спешно выдернули из постели. На ворсистом розовом ковре отпечатались две дорожки, которые тянулись от кровати к двери.

– Их обоих волокли от кровати, – тихо произнесла Риццоли.

Корсак кивнул:

– Преступник нападает на них спящих. Каким-то образом подавляет их сопротивление. Связывает по рукам и ногам. Волочит по ковру в коридор, а там уже тащит по деревянному полу.

Поведение убийцы сбивало ее с толку. Она представила, что он стоит там, где она сейчас, и смотрит на спящую пару. Сквозь незашторенное окно в спальню проникало достаточно света, так что он без труда мог определить, где мужчина,

а где женщина. Сначала он подошел к доктору Йигеру. Логично было бы в первую очередь нейтрализовать мужчину, оставив женщину на потом. До этого момента Риццоли было все ясно. Как убийца подбирался к жертве, как нападал. Но чего она не понимала – так это его дальнейших действий.

– Зачем было их тащить? – недоумевала она. – Почему он не убил доктора Йигера прямо здесь? К чему было убирать их из спальни?

– Я не знаю. – Корсак жестом пригласил ее пройти внутрь. – Здесь все уже сфотографировано. Можно заходить.

Она неохотно вошла в комнату и, стараясь не ступать на темные отметины на ковре, приблизилась к кровати. Ни на простынях, ни на одеяле крови не было. На подушке остался длинный светлый волос. «Должно быть, это подушка миссис Йигер», – подумала она. Фотография супружеской пары, стоявшая в рамке на тумбочке, подтвердила ее предположение о том, что Гейл Йигер была блондинкой. И весьма миловидной, с голубыми глазами и веснушками на загорелом лице. Доктор Йигер обнимал ее за плечи и излучал уверенность мужчины, сознающего свою физическую привлекательность. Глядя на него, никак нельзя было предположить, что он встретит свою смерть в исподнем, со связанными конечностями.

– Это на стуле, – произнес Корсак.

– Что?

– Посмотрите сами.

Риццоли посмотрела в угол комнаты, где стоял антикварный стул с высокой спинкой. На сиденье была аккуратно сложена ночная сорочка. Подойдя ближе, она увидела ярко-красные брызги на кремовом шелке.

Холодок пробежал у нее по коже, и на мгновение перехватило дыхание.

Она приподняла уголок сорочки. Внутри тоже оказались пятна крови.

– Мы не знаем, чья это кровь, – сказал Корсак. – Может быть, самого доктора Йигера, а может, и его жены.

– Сорочка уже была в крови, когда он ее складывал.

– Но здесь, в спальне, никаких пятен не обнаружено. Значит, она была испачкана в другой комнате. А потом он принес ее сюда, аккуратно сложил на стуле словно, подарок. – Корсак выдержал паузу. – Вам это что-нибудь напоминает?

Риццоли с трудом проглотила слюну.

– Вы сами знаете ответ.

– Этот убийца копирует почерк вашего старого знакомого.

– Нет, здесь все по-другому. Хирург никогда не нападал на пары.

– Аккуратно сложенная пижама. Скотч. Нападение во сне.

– Уоррен Хойт выбирал одиноких женщин, жертв, с которыми можно было легко справиться.

– Но посмотрите, как много совпадений! Я вам говорю, это скопированное убийство. Какой-то псих начитался про Хирурга.

Риццоли все смотрела на ночную сорочку, и в памяти всплывали другие спальни, другие сцены убийств. Стояло такое же невыносимо жаркое лето, женщины спали с открытыми окнами, и человек по имени Уоррен Хойт пробирался в их дома. Он приносил с собой свои мрачные фантазии и с помощью скальпеля исполнял кровавые ритуалы, при этом полусонные жертвы видели и чувствовали каждое движение зловещего лезвия. Она смотрела на сорочку, а перед глазами вставало ничем не примечательное лицо Хойта – лицо, которое до сих пор являлось ей в ночных кошмарах.

«Но это не его работа. Уоррен Хойт надежно заперт, оттуда не сбежать. Я это знаю, потому что сама упекла его за решетку».

– «Бостон глоуб» прямо-таки в красках расписал все его подвиги, – сказал Корсак. – Вашему герою удалось даже в «Нью-Йорк таймс» засветиться. И вот теперь у него появился двойник.

– Нет, ваш киллер делает то, чего никогда не делал Хойт. Он тащит супругов из спальни в другую комнату, усаживает мужчину у стены, а потом перерезает ему горло. Это больше похоже на некий ритуал. И еще ведь остается женщина. Он убивает мужа, но что он делает с женой?

Риццоли запнулась, вспомнив вдруг про осколок фарфора. Разбитая чашка. Тайный смысл, открывшийся ей, пронзил ледяным холодом.

Не говоря ни слова, она вышла из спальни и вернулась в гостиную. Посмотрела на стену, у которой еще недавно сидел доктор Йигер, и принялась изучать брызги крови на деревянном полу.

– Риццоли! – обратился к ней Корсак.

Она повернулась к окнам и сощурилась от яркого солнечного света.

– Здесь слишком светло. И чересчур много стекла. Мы не сможем занавесить стену. Придется вернуться вечером.

– Вы хотите исследовать пятна?

– Да. Нам понадобится ультрафиолетовый свет.

– Но что вы хотите увидеть?

Она опять повернулась к стене:

– Доктор Йигер сидел здесь в момент своей смерти. Убийца выволок его из спальни, притащил сюда, усадил спиной к стене, так чтобы он мог видеть центр комнаты.

– Допустим.

– Зачем он поместил жертву сюда? К чему все эти сложности, тем более что мужчина был еще жив? Должна быть какая-то причина.

– Какая еще причина?

– Его усадили сюда, чтобы он мог на что-то смотреть. Быть свидетелем происходившего в этой комнате.

По мере того как до Корсака доходил смысл сказанного, на лице его проступал дикий ужас. Он уставился на стену, у которой сидел доктор Йигер, единственный зритель в театре кошмара.

– О боже, – прошептал он. – Миссис Йигер…

2

Риццоли принесла домой пиццу, купленную в гастрономе за углом, извлекла из холодильника древний кочан салата. Ей пришлось долго обдирать бурые листья, чтобы добраться до съедобной сердцевины. Салат получился бледный и неаппетитный, и ела она его без удовольствия. Впрочем, на удовольствия у нее не было времени; ей просто нужно было подкрепиться на предстоящую ночь – ночь, которую она ждала тоже без удовольствия.

Проглотив несколько кусков пиццы, она отставила тарелку и уставилась на кроваво-красные разводы томатного соуса. «Ночные кошмары не отпускают тебя, – думала она. – Ты считаешь себя сильной, невозмутимой, тебе кажется, что ты можешь жить с этим. Ты даже научилась играть свою роль. Но эти лица, они остаются с тобой. Глаза мертвых… от них не спрятаться».

Неужели теперь к ним добавилась и Гейл Йигер?

Она посмотрела на свои ладони, где, словно следы от распятия, красовались шрамы. В сырую и холодную погоду руки начинали ныть, напоминая о том, что с ней сделал Уоррен Хойт год назад. В тот день, когда он кромсал ее своим смертоносным лезвием, она мысленно прощалась с жизнью. Старые раны и

сейчас болели, но она знала, что это не от погоды. Виной тому было увиденное сегодня в Ньютоне: аккуратно сложенная ночная сорочка, брызги крови на стене… Джейн ходила по комнате, воздух которой был пропитан ужасом, и ощущала незримое присутствие Уоррена Хойта.

Это невозможно. Хойт находится в тюрьме, где ему и место. И все равно она дрожала, вспоминая дом в Ньютоне, пробудивший в ней давно забытый страх.

Ей очень хотелось позвонить Томасу Муру, с которым они вместе работали по делу Хойта. Он не хуже ее знал, как цепко держит в своих тисках страх, насаждаемый Уорреном Хойтом. Но с тех пор как Мур женился, их пути разошлись. Казалось, обретенное им счастье сделало их чужими. Счастливые люди живут в своем обособленном мирке; они как будто дышат другим воздухом, подчиняются иным законам гравитации. Возможно, Мур и не догадывался о том, что в их отношениях произошли перемены, но Риццоли чувствовала это и остро переживала потерю друга, хотя и корила себя за то, что завидует чужому счастью. Ей было стыдно и за чувство ревности, которое она испытывала к женщине, завладевшей сердцем Мура. На днях она получила открытку из Лондона, где Томас и Кэтрин проводили отпуск. Всего несколько слов, нацарапанных на обороте сувенирной открытки с видом музея Скотланд-Ярда, – лишнее напоминание Риццоли о том, что у молодых все хорошо. Вспоминая сейчас эту открытку, Риццоли понимала, что не вправе тревожить коллегу; и еще ей очень не хотелось, чтобы тень Уоррена Хойта вновь нависла над ними.

Она сидела, прислушиваясь к звукам улицы, что шумела внизу, и на этом фоне тишина в ее собственной квартире казалась оглушительной. Она окинула взглядом полупустую гостиную, белые стены, которые она так и не удосужилась оживить хотя бы одной картиной. Единственным украшением, если это можно было так назвать, служила карта города, прикрепленная над обеденным столом. Год назад она пестрела разноцветными булавками, которыми был отмечен кровавый след Хирурга. Тогда она жаждала признания со стороны коллег, стремилась доказать, что она с ними одной крови, что так же, как и они, одержима охотой на злодея.

Теперь булавки были сняты, но карта осталась, ожидая новых узоров, которые сплетет очередной преступник. Она вдруг подумала о том, какое жалкое впечатление производит со стороны, если даже после двух лет жизни в этой квартире единственным украшением интерьера служит карта Бостона.

«Мой крест, – подвела она итог. – Мой мир».

В резиденции Йигера было темно, когда в начале десятого вечера Риццоли подъехала к воротам. Она прибыла первой и, поскольку не имела доступа в дом, ожидала в машине, пока подъедут остальные. Дом стоял в тихом тупике, в окнах у соседей тоже было темно. Это облегчало задачу на сегодняшний вечер, поскольку внешний свет помешал бы поискам. Впрочем, сейчас, в одиночестве созерцая место, где произошло жуткое убийство, она бы предпочла яркое освещение и шумную компанию. Окна дома Йигера уставились на нее, словно остекленевшие глаза трупа. Тени вокруг принимали загадочные формы, все больше зловещие. Риццоли достала пистолет, сняла с предохранителя и положила на колени. Только тогда она немного успокоилась.

В зеркале заднего вида отразились лучи фар. Обернувшись, она с облегчением увидела подъехавший полицейский фургон. Она убрала пистолет в сумку.

Молодой широкоплечий мужчина вышел из фургона и направился к ее машине. Когда он нагнулся и заглянул к ней в окно, она заметила блеснувшую у него в ухе золотую серьгу.

– Привет, Риццоли, – поздоровался он.

– Привет, Мик. Спасибо, что приехал.

– Прелестное местечко.

– Это ты еще дом не видел.

В тупике блеснули фары автомобиля: приехал Корсак.

– Все в сборе, – сказала она. – За работу?

Корсак и Мик не были знакомы. Риццоли представила их друг другу и заметила, что Корсак, покосившись на серьгу в ухе криминалиста, не без колебаний пожал руку Мика. Она даже представила себе, какие мысли крутятся в голове у Корсака. Серьга. Накачанный. Не иначе голубой.

Мик начал выгружать оборудование.

– Я захватил новый прибор «Мини-краймскоуп-четыреста». У него дуговая лампа в четыре сотни ватт. В три раза ярче, чем старая трехсотпятидесятка. Мы с таким интенсивным светом еще не работали. Эта штука даже ярче, чем ксеноновая лампа в пятьсот ватт. – Он бросил взгляд на Корсака. – Не поможете мне донести?

Прежде чем Корсак успел ответить, Мик всучил ему алюминиевый чемоданчик, а сам полез в фургон за остальным оборудованием. Корсак так и застыл на месте с выражением крайнего недоумения на лице. Потом все-таки направился к дому.

К тому времени как Риццоли с Миком, нагруженные сумками с инструментом, шнурами и защитными очками, добрались до входной двери, Корсак уже зажег в доме свет. Они надели бахилы и прошли внутрь.

Так же как утром Риццоли, Мик замер в холле, устремив изумленный взгляд под сводчатую крышу.

– Там, наверху, витражи, – сказала Риццоли. – Ты бы видел, как играют они на солнце.

Из гостиной донесся недовольный голос Корсака:

– Мы здесь по делу или как?

Мик метнул на Риццоли взгляд, в котором явственно читалось: «Что за придурок?» – но она лишь пожала плечами. Они прошли в гостиную.

– Вот эта комната, – деловито произнес Корсак. Сейчас на нем была другая рубашка, но и она уже успела пропитаться потом. Он стоял, широко расставив ноги, словно капитан на палубе своего корабля. – А вот участок пола, который нужно будет осмотреть.

Вид крови по-прежнему вызывал содрогание. Пока Мик устанавливал аппаратуру, Риццоли неотрывно смотрела на стену, думая о том, что, сколько бы ни скоблили эти пятна, все равно не удастся окончательно стереть следы

зверства: молекулы крови намертво въелись в узорчатый рельеф штукатурки.

Но сегодня они искали не кровь. То, что их интересовало, было гораздо труднее увидеть, вот почему понадобился сверхмощный источник света, который только и мог обнаружить след, невидимый обычному глазу.

Риццоли знала, что свет – это всего лишь электромагнитная энергия, которая движется волнами. Видимый свет, улавливаемый человеческим глазом, представляет собой волны длиной от четырехсот до семисот нанометров. Волны ультрафиолетового диапазона короче, а потому невидимы. Но когда ультрафиолетовый свет падает на природные и искусственные субстанции, он возбуждает электроны и вызывает свечение, называемое флуоресценцией. Ультрафиолетовый свет может выявить органическую жидкость, фрагменты костей, волосы, волокна тканей. Вот почему она попросила доставить сюда «Мини-краймскоуп». В лучах ультрафиолетовой лампы можно обнаружить целый арсенал новых улик.

– У меня практически все готово, – сказал Мик. – Теперь нужно сделать так, чтобы в комнате было максимально темно. – Он посмотрел на Корсака. – Может, начнете гасить лампы в холле, детектив Корсак?

– Постойте. А как же защитные очки? – спросил Корсак. – Ведь ультрафиолет вреден для глаз, разве не так?

– На тех волнах, что я использую, он не так уж и вреден.

– Все равно дайте мне очки.

– Они в том чемоданчике. Достаньте для всех.

– Я выключу свет в холле, – сказала Риццоли и, выйдя из гостиной, принялась щелкать выключателями.

Когда она вернулась, Корсак и Мик по-прежнему стояли в разных углах комнаты, словно боялись подцепить друг от друга какую-нибудь заразу.

– Ну, с чего начнем? – спросил Мик.

– Давай с того угла, где был обнаружен труп, – предложила Риццоли. – А оттуда двинемся уже по всей комнате.

Мик огляделся по сторонам.

– Вон там лежит бежевый ковер. Он обязательно будет флуоресцировать. И тот белый диван тоже. Просто предупреждаю вас, что на тех предметах мы точно ничего не сможем обнаружить. – Он взглянул на Корсака, который уже нацепил очки и выглядел молодящимся модником. – Погасите свет, – попросил Мик. – Проверим, насколько здесь темно.

Корсак щелкнул выключателем, и комната погрузилась в темноту. В огромные незашторенные окна заглядывали звезды, но луны на небе не было, а густые заросли деревьев загораживали свет из окон соседских домов.

– Неплохо, – сказал Мик. – Можно работать. А то бывает, что приходится накрываться одеялом, чтобы хоть что-нибудь увидеть. Знаете, сейчас разрабатывают такие системы, которые функционируют и при дневном свете. Настанет время, когда нам не придется спотыкаться впотьмах.

– Может, хватит болтать, начнем работать? – огрызнулся Корсак.

– Я просто подумал, что вам интересны некоторые технические подробности.

– Как-нибудь в другой раз, ладно?

– Как скажете, – невозмутимо произнес Мик.

Риццоли надела темные очки, как только заструился голубоватый свет прибора. Причудливые флуоресцирующие тени казались привидениями, а ковер и диван, как и предсказывал Мик, отражали свет и выделялись яркими пятнами. Голубой свет упал на то место, где еще недавно сидел доктор Йигер, и на стене искорками вспыхнули тончайшие полоски.

– Красиво, правда? – сказал Мик.

– Что это? – спросил Корсак.

– Волоски, присохшие к крови.

– Да. Действительно красиво.

– Посвети-ка на пол, – попросила Риццоли. – Это должно быть там.

Мик направил пучок света вниз, и на полу обозначилась целая вселенная из микроскопических волосков и волокон. Улики, ускользнувшие от невооруженного глаза криминалиста при первоначальном осмотре.

– Чем мощнее источник света, тем интенсивнее флуоресценция, – объяснял Мик, осматривая пол. – Вот чем замечательна эта установка. При четырех сотнях ватт можно рассмотреть что угодно. ФБР закупило семьдесят одну штуку. Эта малышка такая компактная, что ее можно возить с собой в самолете как ручную кладь.

– Вы что, помешаны на технике? – спросил Корсак.

– Обожаю всякие прибамбасы. Я ведь инженер по профессии.

– В самом деле?

– А что вас так удивляет?

– Мне казалось, что такие, как вы, не по этой части.

– Такие, как я?

– Ну, я имею в виду серьгу в ухе и все такое. Сами знаете.

– Дашь палец, откусит руку, – вздохнула Риццоли.

– Что? – возмутился Корсак. – Я вовсе не хочу никого обидеть. Просто я замечал, что такие ребята не идут в инженеры. Их больше тянет в театральную среду, в искусство. Я хочу сказать, что это же хорошо. Нам нужны люди творческие.

– Вообще-то, я окончил университет. – Мик явно не желал сдаваться. Продолжая дискуссию, он не отвлекался от осмотра пола. – По специальности инженер-электрик.

– Послушайте, ведь электрики хорошие деньги заколачивают.

– Ну, это где-нибудь в другом месте.

Они продолжали описывать круги по полу, и ультрафиолетовый луч выхватывал все новые волоски, волокна и другие неопознанные частицы. Внезапно они ступили в особенно яркий круг света.

– Ковер, – сказал Мик. – Не знаю, из каких волокон его делают, но они флуоресцируют как бешеные. На таком фоне вряд ли что разглядишь.

– Все равно посвети, – попросила Риццоли.

– У меня на пути кофейный столик. Можете его отодвинуть?

Риццоли потянулась к тени, которая выделялась правильной геометрической формой на ослепительно-белом фоне.

– Корсак, беритесь с другого конца, – сказала она.

Когда кофейный столик отодвинули, площадь, которую занимал ковер, предстала овальным бассейном голубовато-белого свечения.

– Разве мы здесь что-нибудь увидим? – спросил Корсак. – Это все равно что пытаться разглядеть плавающее в воде стекло.

– Стекло не плавает, – парировал Мик.

– Ах да, совсем забыл, вы же инженер. А Мик – это сокращенное от какого имени? Микки?

– Давайте осматривать диван, – прервала их перепалку Риццоли.

Мик изменил направление линз. Обивка дивана тоже вспыхнула белым свечением, но более мягким, как если бы снег светился под луной. Медленно луч скользил сначала по подлокотникам, потом по подушкам, но ничего подозрительного не обнаружилось, разве что длинные светлые волосы и частички пыли.

– А здесь чистюли жили, – заметил Мик. – Никаких тебе пятен, даже пыли мало. Держу пари, этот диван совсем новый, последняя модель.

Корсак хмыкнул:

– Красиво жили. Я в последний раз покупал диван, когда женился.

– Смотрите, за диваном еще есть свободное пространство. Надо заглянуть туда.

Риццоли почувствовала, как на нее наткнулся Корсак, и в нос ей ударил острый запах пота. Дышал он тяжело и шумно, словно у него были проблемы с носоглоткой. Она в раздражении отпрянула от него и ударилась голенью о кофейный столик.

– Черт!

– Эй, смотрите под ноги, – сказал Корсак.

Риццоли с трудом подавила в себе желание огрызнуться; обстановка в комнате и без того была напряженной. Она наклонилась, чтобы растереть ушибленное место. Темнота и резкий наклон вызвали приступ головокружения. Ей пришлось присесть на корточки, чтобы не упасть. Она надеялась только, что Корсак не споткнется и не завалится, иначе такая туша могла бы запросто расплющить ее. Было слышно, что мужчины топчутся где-то рядом.

– Шнур запутался, – произнес Мик.

Пока он возился с аппаратом, луч света сместился в сторону и упал на ковер, как раз туда, где сидела на корточках Риццоли. Она напряглась. Обрамленное флуоресцирующим контуром коврового ворса, прямо перед ней темнело пятнышко неопределенной формы.

– Мик! – позвала она.

– Ты не могла бы приподнять тот угол столика? Мне кажется, шнур зацепился за ножку.

– Мик!

– Что?

– Неси аппарат сюда. Возьми в фокус ковер. То место, где я сижу.

Мик подошел к ней, Корсак тоже; она слышала, как приближалось его затрудненное дыхание.

– Следи за моей рукой, – сказала она. – Я буду указывать пальцем на пятно.

Голубоватый свет лег на ковер, и черный силуэт ее руки выделился на флуоресцирующем фоне.

– Вот, – указала она. – Что это?

Мик присел на корточки рядом.

– Какое-то пятно. Мне нужно его сфотографировать.

– Но это темное пятно, – сказал Корсак. – Я думал, мы ищем то, что будет светиться.

– На сильно флуоресцирующем фоне – вот как эти волокна ковра – объекты могут выглядеть темными, поскольку они светятся не так ярко. Это пятно может быть чем угодно. В любом случае лабораторный анализ даст нам ответ.

– И что же, прикажете вырезать кусок этого роскошного ковра, поскольку на нем обнаружилось пятнышко кофе или что-то в этом роде?

Мик сделал паузу.

– Можно попробовать сделать по-другому.

– Как?

– Я изменю длину волн на приборе. Сокращу до ультрафиолета.

– Ну и что это нам даст?

– Если только мне удастся, это будет фантастика.

Мик отрегулировал линзы и направил луч света на поверхность ковра, где темнело пятно.

– Смотрите, – сказал он и щелкнул аппаратом.

Комната утонула во мраке. Лишь ярко светилось пятнышко у их ног.

– И что это, черт возьми? – воскликнул Корсак.

У Риццоли возникло ощущение, будто начались галлюцинации. Она уставилась на загадочное пятно, которое вдруг, как ей показалось, вспыхнуло ярко-зеленым огнем. И постепенно стало бледнеть. Уже через несколько секунд они оказались в кромешной темноте.

– Фосфоресценция, – объяснил Мик. – Это, как бы вам сказать, запаздывающее свечение. Оно происходит, когда ультрафиолетовый свет приводит в движение электроны в определенных субстанциях. Электронам требуется дополнительное время, чтобы вернуться в свое первоначальное энергетическое состояние. В этот промежуток времени они и высвобождают фотоны света. Именно это явление мы сейчас наблюдали. Под ультрафиолетовым лучом наше пятно фосфоресцирует ярко-зеленым светом. Тут есть над чем подумать. – Он поднялся и включил в комнате свет.

В ярком свете ламп ковер, который только что вызывал у них такое изумление, выглядел совершенно обычным. Но Риццоли все равно не могла смотреть на него без содрогания, поскольку уже знала, что здесь произошло: бежевые волокна

хранили следы страшного испытания, которое пришлось пережить Гейл Йигер.

– Это сперма, – сказала она.

– Вполне возможно, – согласился Мик и, установив камеру на штатив, приготовился к ультрафиолетовой съемке. – Как только я сделаю снимок, мы вырежем этот кусок ковра и передадим в лабораторию для окончательного анализа.

Но Риццоли и без того все было предельно ясно. Она повернулась к забрызганной кровью стене. Она хорошо помнила положение тела доктора Йигера, помнила чашку, которая упала с его колена и разбилась о деревянный пол. Фосфоресцирующее зеленое пятнышко на ковре подтвердило ее худшие опасения. Перед глазами со всей отчетливостью встала жуткая сцена, разыгравшаяся здесь совсем недавно.

«Ты выволок их из спальни в эту комнату, на деревянный пол. Связал доктора за запястья и щиколотки, заклеил ему рот скотчем, чтобы он не отвлекал тебя своим криком. Ты посадил его здесь, прислонив к стене, превратив в немого зрителя твоего спектакля. Ричард Йигер, еще живой, прекрасно сознает, что ты намерен делать. Но он не может помешать тебе. Не может защитить свою жену. И ты намеренно ставишь ему на колени чашку и молочник, чтобы вовремя услышать, не шевельнулся ли он. Посуда непременно разобьется об пол, стоит доктору попытаться встать на ноги. Предаваясь своим грязным утехам, ты не можешь одновременно следить за доктором Йигером, но и не хочешь, чтобы он тебе мешал.

Тебе нужно, чтобы он лишь наблюдал».

Она уставилась на пятно, которое только что полыхало ярко-зеленым светом. Если бы они не отодвинули кофейный столик в поисках специфических улик, это пятно так и осталось бы незамеченным.

«Ты насиловал ее здесь, на этом ковре. Овладел ею на глазах у мужа, который был бессилен спасти не только ее, но и самого себя. И когда все было кончено, когда ты утолил свой голод, одна капля спермы упала на ковер, обернувшись невидимой пленкой».

Было ли убийство мужа частью наслаждения? Склонился ли он над своей жертвой, сжав нож, смакуя удовольствие момента? Чувствовал ли он что-то, хватая Ричарда Йигера за волосы, или равнодушно полоснул по горлу лезвием?

Свет в комнате погасили. Камера Мика защелкала, выхватывая из темноты фосфоресцирующее пятно.

«И когда задача выполнена и кровь доктора Йигера стекает по стене, ты исполняешь ритуал, позаимствованный у другого убийцы. Ты аккуратно складываешь на стуле забрызганную кровью ночную сорочку миссис Йигер – точно так же, как это когда-то делал Уоррен Хойт.

Но это еще не все. Это был только первый акт. Ты – в предвкушении новых удовольствий, еще более страшных.

И для этого ты забираешь женщину».

В гостиной зажегся свет, и его яркая вспышка отозвалась резью в глазах. Ошеломленная, дрожащая от ужаса, Риццоли чувствовала, что к ней возвращается давно забытый страх. И унизительно было сознавать, что двое мужчин видят это по ее белому как полотно лицу, трясущимся рукам. Ей вдруг стало трудно дышать.

Она вышла из комнаты, потом из дома. И уже на улице стала жадно глотать воздух. Она слышала, что за ней тянутся чьи-то шаги, но не обернулась посмотреть, кто это. Только когда за спиной раздался мужской голос, она поняла, что за ней шел Корсак.

– Вы в порядке, Риццоли?

– Да, в полном.

– Глядя на вас, этого не скажешь.

– Просто у меня немного закружилась голова.

– Вспомнилось дело Хойта, не так ли? Представляю, какое это потрясение для вас.

– Откуда вам знать?

Последовала пауза. После чего он буркнул:

– Да, вы правы. Откуда мне знать, черт возьми? – И направился обратно в дом.

Она обернулась и окликнула его:

– Корсак!

– Что?

На мгновение они уставились друг на друга. Ночной воздух, пропитанный запахом травы, приятно освежал. И все равно ужас, сковавший ее, вызывал тошноту.

– Я знаю, каково ей сейчас, – тихо произнесла она. – Знаю, что она чувствует.

– Миссис Йигер?

– Вы должны найти ее. Сделать все возможное.

– Ее лицо мелькает во всех выпусках новостей. Мы отслеживаем каждый звонок, каждый сигнал. – Корсак вздохнул и покачал головой. – Но, знаете, лично у меня сейчас большие сомнения в том, что он оставил ее в живых.

– Оставил. Я знаю.

– Откуда у вас такая уверенность?

Она обхватила себя руками, пытаясь унять дрожь, и бросила взгляд на дом.

– Так поступил бы Уоррен Хойт.

3

Визиты в неприметное кирпичное здание на Элбани-стрит Риццоли считала самым неприятным моментом в работе детектива отдела по расследованию убийств. Хотя она и подозревала, что коллеги-мужчины впечатлительны в неменьшей степени, ей никак нельзя было показывать свою слабость. Мужчины слишком хорошо умели угадывать болевые точки и тут же устремляли в них едкие стрелы своих колкостей и шуточек. Она научилась с ледяным спокойствием взирать на самое худшее, что мог предложить секционный стол морга. Никто и не догадывался, чего ей стоило с такой невозмутимостью переступать порог этого здания. Она знала, что коллеги считают ее бесстрашной Джейн Риццоли, стервой со стальными нервами. Правда, сейчас, находясь в своей машине на стоянке возле морга, она не чувствовала себя ни бесстрашной, ни стальной.

Прошлой ночью она неважно спала. Впервые за последние несколько недель Уоррен Хойт вновь ворвался в ее сны, и она проснулась в холодном поту, чувствуя, как ломит руки от старых ран.

Риццоли посмотрела на свои изуродованные шрамами ладони, и ее вдруг охватило желание немедленно завести двигатель и уехать прочь, только чтобы избежать процедуры, которая ожидала ее в этом здании. В конце концов, она не обязана находиться здесь, ведь речь шла о преступлении, совершенном в Ньютоне, и это была не ее епархия. Но Джейн Риццоли никогда не была трусливой и гордилась этим.

Она вышла из машины, сильно хлопнула дверцей и направилась в морг.

Она прибыла последней, в лаборатории вскрытия ее уже ожидали трое коллег, которые приветствовали Риццоли кивком. Корсак был одет в безразмерный операционный халат и пышный бумажный колпак. Со стороны он был похож на тучную домохозяйку с сеткой на голове.

– Что я пропустила? – спросила Риццоли, тоже надевая халат, призванный защитить ее одежду от любых неожиданностей.

– Не так уж много. Мы только поговорили про скотч, которым были связаны конечности.

Вскрытие проводила доктор Маура Айлз. «Королева мертвых» – так окрестили ее в отделе по расследованию убийств, когда год назад она заступила на должность патологоанатома судебно-медицинской службы штата Массачусетс. Сам доктор Тирни переманил ее в Бостон из Сан-Франциско, где она с успехом преподавала в медицинской школе. А вскоре и местная пресса радостно подхватила это прозвище. На свое первое судебное слушание в Бостоне, где она выступала со стороны службы патологоанатомов, Маура явилась в глухом черном платье. Телекамеры с удовольствием следили за ее по-королевски величавой фигурой, когда она стремительно поднималась по ступенькам здания суда – женщина с поразительно бледным лицом, на котором выделялись тронутые красной помадой губы, с иссиня-черными волосами до плеч и прямой челкой. Выступая перед судом, она была на редкость невозмутима. Когда адвокат, исчерпав свой резерв обаяния и лести, опустился до откровенной пошлости, доктор Айлз продолжала отвечать на его вопросы с железной логикой, с неизменной улыбкой Моны Лизы на устах. Пресса любила ее. Адвокаты до смерти боялись. А копы из отдела убийств одновременно и робели, и испытывали восхищение перед этой женщиной, которая решила провести остаток дней своих рядом со смертью.

Доктор Айлз руководила вскрытием с присущей ей бесстрастностью. Ее ассистент Йошима, с виду тоже невозмутимый, аккуратно разложил инструменты и установил свет. Оба врача смотрели на тело Ричарда Йигера отстраненным взглядом ученых.

Трупное окоченение уже не было так ярко выражено, как вчера, и сейчас доктор Йигер лежал расслабленно. Скотч сняли, трусы тоже, и кровь в основном была смыта с тела. Его руки безвольно свисали по бокам, опухшие и багровые, в трупных пятнах. Но сейчас всеобщее внимание было приковано к глубокой ране на шее.

– Завершающий смертельный удар, – констатировала Айлз и линейкой измерила рану. – Четырнадцать сантиметров.

– Странно, что она не кажется такой длинной, – сказал Корсак.

– Это потому, что лезвие прошло по линиям Лангера, то есть как раз в зоне максимальной растяжимости кожи. Затем кожа сократилась, и отверстие зрительно уменьшилось. На самом деле рана длиннее, чем кажется.

– Шпатель для отдавливания языка? – спросил Йошима.

– Спасибо. – Айлз взяла из рук ассистента шпатель и аккуратно просунула закругленный деревянный кончик в рану, бормоча себе под нос: – Скажи «а-а-а».

– Какого черта? – недоуменно произнес Корсак.

– Я измеряю глубину раны. Почти пять сантиметров.

После этого Айлз поднесла к ране лупу и вгляделась в развороченную полость.

– Перерезаны одновременно левая сонная артерия и левая яремная вена. Задета и трахея. Уровень трахеального проникновения, чуть ниже щитовидного хряща, заставляет меня сделать вывод, что перед нанесением удара шея была растянута. – Она взглянула на детективов. – Ваш неизвестный убийца оттянул голову жертвы назад, а потом уже совершил намеренный удар.

– Экзекуцию, – уточнил Корсак.

Риццоли вспомнила, как в лучах ультрафиолета светились волоски, приклеившиеся к забрызганной кровью стене. Это были волосы доктора Йигера, вырванные в тот момент, когда лезвие вонзилось в кожу.

– Что это было за лезвие? – спросила она.

Айлз не сразу ответила на вопрос. Вместо этого она повернулась к Йошиме и попросила:

– Клейкую ленту.

– У меня все готово.

– Я стяну края раны, а ты наложишь ленту.

Корсак хмыкнул, догадавшись, что они собираются делать.

– Вы опять хотите заклеить его?

Айлз бросила на него насмешливый взгляд.

– Вы предпочитаете суперклей?

– Лентой вы закрепите его голову, я правильно понял?

– Да бросьте, детектив. Скотчем голову не приклеишь. – Она вновь посмотрела сквозь лупу и кивнула. – Отлично, Йошима. Теперь я вижу.

– Видите что?

– Чудеса, которые творит скотч. Детектив Риццоли, вы, кажется, интересовались лезвием?

– Умоляю, только не говорите, что это был скальпель.

– Нет, это не скальпель. Взгляните.

Риццоли взяла лупу и вгляделась в рану. Под прозрачным скотчем явственно просматривались параллельные бороздки, которые тянулись вдоль одного края раны.

– Зубчатое лезвие, – сказала она.

– На первый взгляд похоже.

Риццоли оторвалась от лупы и встретила спокойный взгляд Айлз.

– Но на самом деле это не так?

– Резец не имел зазубрин, поскольку другой край раны абсолютно гладкий. Вы заметили, что параллельные бороздки появляются только на одной трети разреза? Они не тянутся по всей длине. Так вот эти следы остались там, где лезвие вытаскивали. Убийца вонзил лезвие под левой челюстью, потом вел его к кадыку, а остановился на краю трахеального кольца. Бороздки появляются в том месте, где он закончил надрез и слегка повернул лезвие, чтобы его вытащить.

– Так откуда эти борозды?

– На орудии убийства зазубрины имеются лишь на оборотной стороне, и именно они оставляют параллельные борозды. – Айлз снова посмотрела на Риццоли. – Мы имеем дело с типичным охотничьим ножом.

Охотник. Риццоли взглянула на широкие мускулистые плечи Ричарда Йигера и подумала: «Это не тот мужчина, который согласится на роль добычи».

– Так, позвольте мне выяснить один вопрос, – вмешался Корсак. – Выходит, жертва, этот доктор Тяжелоатлет, спокойно наблюдает, как наш злодей достает огромный охотничий нож, и позволяет полоснуть им по своему горлу?

– Не забывайте, что он связан по рукам и ногам, – заметила Айлз.

– Плевать, пусть даже он был бы связан, как Тутанхамон. Любой нормальный мужик сражался бы, как зверь.

– Пожалуй, он прав, – согласилась Риццоли. – Даже со связанными конечностями можно сопротивляться. Можно брыкаться, наносить удары головой. А он мирно сидел, привалившись к стене.

Доктор Айлз выпрямилась. На какое-то время она замерла и в своем хирургическом халате стала похожа на настоятельницу монастыря. Потом, обернувшись к Йошиме, произнесла:

– Дай мне мокрое полотенце. И посвети-ка сюда. Давай протрем его как следует и осмотрим кожу. Каждый сантиметр.

– Что мы ищем? – спросил Корсак.

– Я вам скажу, когда увижу.

Буквально через какие-то мгновения, подняв правую руку мертвеца, Айлз разглядела отметины на боку. Под лупой явственно обозначились две розоватые шишки. Она провела по ним пальцем.

– Волдыри. Тройная реакция Льюиса.

– Льюиса что? – спросила Риццоли.

– Тройная реакция Льюиса. Это особая реакция кожи. Сначала наблюдается эритема – красные пятнышки, а потом воспалительная гиперемия, вызванная расширением артерий. И наконец, на финальной стадии, появляются волдыри как следствие повышенной сосудистой проницаемости.

– Мне это очень напоминает след от электрошокера, – сказала Риццоли.

Айлз кивнула:

– Точно. Это классическая реакция кожи на удар током. Именно этим он и вывел его из строя. Одного разряда достаточно, чтобы человек полностью утратил нервно-мышечный контроль. За это время можно успеть связать его по рукам и ногам.

– И как долго держатся эти волдыри?

– На живом теле они обычно пропадают через пару часов.

– А на мертвом?

– Смерть останавливает процессы в коже. Поэтому мы до сих пор и видим их. Хотя они еле различимы.

– Выходит, он умер в течение двух часов после получения удара током?

– Совершенно верно.

– Но ведь электрошокер вырубает человека всего на несколько минут, – возразил Корсак. – На пять, ну на десять максимум. Чтобы вывести жертву из строя, убийца должен был повторно ударить его током.

– Поэтому будем искать другие следы, – согласилась Айлз.

Она направила луч лампы ниже вдоль тела.

Яркий свет безжалостно скользнул по гениталиям Ричарда Йигера. До сих пор Риццоли избегала смотреть на эти анатомические детали. Ей всегда казалось, что разглядывание половых органов трупа есть не что иное, как очередное надругательство над жертвой. Сейчас, когда пучок света сосредоточился на вялом пенисе и мошонке, Ричард Йигер выглядел особенно беспомощным.

– Еще волдыри, – сказала Айлз, стирая кровь с кожи. – Вот здесь, в нижней части брюшины.

– И на бедре, – тихо произнесла Риццоли.

Айлз подняла взгляд:

– Где?

Риццоли указала на еле различимые отметины слева от мошонки жертвы. Вот они, последние трагические моменты жизни Ричарда Йигера, подумала Джейн. Он в полном сознании, но не может шевельнуться. Не может защитить себя. Накачанные мышцы, долгие часы тренировок в спортзале – все напрасно, потому что тело ему больше не подчиняется. Мускулы парализованы электрическим разрядом, который пронзил нервную систему. Его тащат из спальни, словно тупую корову на бойню. А потом сажают к стене, чтобы он мог наблюдать за тем, что будет происходить дальше.

Но эффект от электрошокера кратковременный. Вскоре его мышцы вновь наливаются силой, пальцы сжимаются в кулаки. Он видит, как насилуют его жену, и ярость наполняет его тело адреналином. На этот раз он двигается, мышцы подчиняются ему. Он пытается подняться, но звон разбившейся чашки, упавшей с колен, выдает его.

Следует очередной удар электрошокером, и он опять валится, как мешок.

Она смотрела на лицо Ричарда Йигера, в его открытые глаза и пыталась представить, какие зрительные образы запечатлел его мозг в последние минуты жизни. Собственные ноги, беспомощно вытянутые вперед. Жена, распластанная на бежевом ковре. И нож, зажатый в руке охотника, замахнувшегося для смертельного удара.

В комнате отдыха шумно. Со стороны мы похожи на зверей, запертых в клетке. Орет телевизор, а металлические ступени лестницы, ведущие к верхнему ярусу камер, клацают от каждого шага. С нас не спускают глаз. Камеры видеонаблюдения повсюду – в душе, даже в туалете. Сверху, из окон сторожевой будки, охранники смотрят, как мы копошимся в этом колодце. Они видят каждое наше движение. Тюрьма «Соуза-Барановски» представляет собой шестиуровневое здание; это новейшее исправительное учреждение Массачусетса, чудо техники. Замки не имеют ключей и открываются с компьютерного терминала в сторожевой башне. Команды подаются обезличенными голосами по селектору. Двери в камеры открывают пультом дистанционного управления, при этом охранников мы не видим. Иногда я задаюсь вопросом: а живые ли это существа, или нас сторожат роботы, чьи силуэты мы можем разглядеть за стеклом? Впрочем, мне безразлично, кто следит за мной – человек или машина, ведь все равно им не проникнуть в мои мысли; не пробраться в мир моих мрачных фантазий. Этот мир принадлежит только мне.

Вот и сейчас, когда я сижу перед телевизором и смотрю шестичасовой выпуск новостей, я вновь погружаюсь в свой мир. С экрана улыбается женщина-диктор, и она сопровождает меня в моих фантазиях. Я вижу облако ее черных волос на подушке. Вижу, как блестит от пота ее кожа. Но в моем мире она не улыбается; о нет, ее глаза широко раскрыты, огромные зрачки кажутся бездонными, а губы искажены гримасой ужаса. Все это я представляю себе, глядя на хорошенькую дикторшу в изумрудно-зеленом костюме. Я вижу ее улыбку, слышу ее хорошо поставленный голос, и мне интересно, как будут звучать ее вопли.

Но вот на экране появляется новая картинка, и мысли о дикторше испаряются. Репортер стоит перед домом доктора Ричарда Йигера в Ньютоне. Мрачным голосом он извещает о том, что спустя двое суток после убийства доктора и похищения его жены никто не задержан. Я уже слышал об этом деле. И вот я

придвигаюсь ближе, пристально вглядываюсь в экран, жду, когда мелькнет знакомое лицо.

Наконец я вижу ее.

Камера показывает ее лицо крупным планом, когда она выходит из дома. Следом за ней выплывает какой-то громила. Они останавливаются во дворе, беседуют о чем-то, не догадываясь о том, что все это время за ними наблюдает телекамера. Мужчина выглядит грубым и неопрятным, с обвисшими щеками и зачесанными на лысину прядями волос. Рядом с ним она кажется маленькой и хрупкой. Как давно я ее не видел, и с тех пор она очень изменилась. Хотя ее волосы – все та же непослушная копна черных кудрей, и одета она в очередной брючный костюм темно-синего цвета. Пиджак смотрится чуть великоватым, но это и неудивительно на такой худышке. Но вот в лице что-то изменилось. Когда-то в его прямых чертах сквозила уверенность, оно было не то чтобы красивым, но привлекало внимание – возможно, потому, что в глазах светился незаурядный ум. Сейчас она выглядит усталой и встревоженной. Она явно похудела. Это видно по ее лицу, по впалым щекам.

Она вдруг замечает телекамеру и устремляет взгляд прямо на меня, ее глаза видят меня так же, как и мои ее, как будто мы стоим друг против друга. У нас общая история, интимный опыт общения, и мы навеки связаны, словно любовники.

Я поднимаюсь с дивана и подхожу к телевизору. Прижимаю ладонь к экрану. Я не слушаю, что говорит репортер, мое внимание сосредоточено только на ее лице. Моя маленькая Джейни. Как твои ручки, все еще беспокоят тебя? Ты все еще чешешь ладони, как тогда, в зале суда? Тебе эти шрамы так же дороги, как и мне? Ты тоже воспринимаешь их как отметины любви? Как напоминание о моих чувствах к тебе?

«Отойди от экрана, черт тебя дери! Ничего не видно!» – раздается чей-то вопль.

Я не двигаюсь. Я стою перед экраном, касаюсь ее лица, вспоминаю, с каким смирением смотрели на меня эти черные как уголь глаза. Вспоминаю ее шелковистую кожу. Безупречная кожа, не обезображенная макияжем.

«Уйди, придурок!»

Она вдруг исчезает с экрана. Вместо нее опять появляется дикторша в изумрудно-зеленом костюме. Еще минуту назад я был готов впустить в свой мир эту напомаженную пресную куклу. Теперь она для меня не более чем очередное хорошенькое личико, еще одна нежная шейка. Один мимолетный взгляд на Джейн Риццоли напомнил мне о том, что такое действительно стоящая добыча.

Я возвращаюсь на диван и вместе со всеми смотрю рекламный репортаж про автомобили «лексус». Но мысли мои не о передаче. Я вспоминаю, каково быть на свободе. Бродить по улицам города, вдыхая запахи проходящих мимо женщин. Не цветочные ароматы из флаконов, а настоящий запах женского пота, женских волос, нагретых солнцем. В летние дни я любил втираться в толпу горожан, собравшуюся у перехода в ожидании зеленого сигнала светофора. В толпе кто заметит, что мужчина, стоящий сзади, с наслаждением вдыхает запах ваших волос? Кто заметит, что мужчина, оказавшийся рядом, не сводит глаз с вашей шеи, наблюдая, как бьется жилка, которая как раз и источает самый сладкий запах?

Нет, они ничего не замечают. Светофор зажигается зеленым. Толпа начинает движение. И женщина тоже, даже не догадываясь о том, что охотник уже учуял ее запах.

– Сложенная ночная сорочка еще не означает, что убийца копирует почерк Хойта, – сказал доктор Лоуренс Цукер. – Это всего лишь демонстрация силы. Убийца как бы подчеркивает свою власть над жертвой. Над ситуацией.

– Так же, как это делал Уоррен Хойт, – возразила Риццоли.

– И не только он, но и другие. Не могу сказать, что это уникальный почерк Хирурга.

Доктор Цукер смотрел на нее каким-то странным, почти неживым взглядом. Он был психологом-криминалистом Северо-Восточного университета и часто консультировал Бостонское полицейское управление. Год назад он помогал отделу убийств в работе по делу Хирурга, и портрет преступника, который он нарисовал, оказался удивительно точным. Иногда Риццоли задавалась вопросом, насколько нормальна психика самого Цукера. Только человек, близко знакомый с

пороком и злом, мог глубоко проникнуть в мысли такого человека, как Уоррен Хойт. Ей всегда было неуютно в присутствии Цукера, а его вкрадчивый голос, почти шепот, и пристальные взгляды вызывали ощущение полной незащищенности. Но он был одним из тех немногих, кто по-настоящему понимал Хойта; возможно, он мог бы понять и его двойника.

– Дело не только в сложенной сорочке, – продолжала настаивать Риццоли. – Есть и другие схожие детали. Жертву связали скотчем.

– Ну, это тоже не новость. Вы когда-нибудь видели телевизионное шоу «Макгайвер»? Он демонстрирует тысячу и один способ применения клейкой ленты.

– Ночное вторжение через окно. Жертвы, застигнутые врасплох в постели…

– Да, ночью люди особенно уязвимы. Логично нападать именно в это время.

– И перерезанное одним взмахом лезвия горло.

Цукер пожал плечами:

– Тихий и эффективный способ убийства.

– Но если сложить все вместе… Ночная сорочка. Скотч. Способ вторжения. Смертельный удар…

– И в итоге получается неизвестный субъект, который использует довольно стандартные методы. Даже чашка на колене жертвы – это вариация на старую тему, которая была в ходу у серийных насильников. Они ставили тарелку или другую посуду на ноги мужу. Стоило ему шевельнуться, и маньяк получал сигнал тревоги. Это весьма распространенная практика, поскольку она эффективна.

В раздражении Риццоли достала фотографии с места преступления в Ньютоне и выложила их на стол.

– Мы пытаемся найти пропавшую женщину, доктор Цукер. Пока у нас нет никаких зацепок. Я даже думать не хочу о том, что ей сейчас приходится выносить – если она еще жива. Так что будьте любезны, посмотрите внимательно на эти снимки. Расскажите мне все, что можете, об этом ублюдке. Скажите, как найти его. Как найти ее.

Доктор Цукер нацепил очки и взял со стола первую фотографию. Ни слова не говоря, он какое-то время разглядывал ее, потом потянулся за следующей. Слышны были лишь скрип его кожаного кресла и неразборчивое бормотание. Из окон его кабинета просматривался пустынный в этот летний день кампус Северо-Восточного университета. Лишь несколько студентов валялись на траве, разложив вокруг свои сумки и учебники. Риццоли с завистью смотрела на них, таких беспечных и невинных. Она завидовала их слепой вере в будущее. Их счастливым снам, не омраченным кошмарами.

– Вы сказали, что обнаружили сперму, – прервал ее размышления доктор Цукер.

Она неохотно отвлеклась от созерцания безмятежных студентов и повернулась к нему.

– Да. Вот на этом овальном ковре. Лабораторный анализ подтверждает, что группа крови носителя отличается от группы крови мужа. Код ДНК ввели в базу данных.

– Я почему-то сомневаюсь в том, что наш неизвестный настолько беспечен, чтобы засветиться в базе данных ДНК. – Цукер оторвал взгляд от фотографии. – Готов спорить, что он и отпечатков пальцев не оставил.

– Во всяком случае, в нашей картотеке ничего не обнаружено. К сожалению, в доме Йигеров побывало человек пятьдесят приглашенных на похороны матери миссис Йигер. Представляете, сколько неидентифицированных отпечатков мы имеем?

Цукер уставился на фотографию, запечатлевшую доктора Йигера на фоне забрызганной кровью стены.

– Это убийство произошло в Ньютоне?

– Да.

– Но это ведь не ваш округ. Почему привлекли именно вас? – Он пристально уставился на нее, и от его взгляда Риццоли опять стало не по себе.

– Меня попросил детектив Корсак…

– …которому поручено расследование. Я прав?

– Да, но…

– Вам что, в Бостоне не хватает убийств, детектив? Зачем вы ввязываетесь в это дело?

У нее возникло ощущение, будто Цукер прокрался к ней в душу и шарит там, пытаясь нащупать болевые точки.

– Я уже сказала вам, – произнесла она, глядя ему в глаза. – Женщина, возможно, еще жива.

– И вы хотите спасти ее.

– А вы – нет? – выпалила она.

– Мне вот что интересно, детектив, – сказал Цукер, который пропустил мимо ушей ее колкость. – Вы с кем-нибудь беседовали о деле Хойта? Я имею в виду, о том, что оно коснулось лично вас?

– Что-то я не пойму, куда вы клоните.

– Вы получали какие-нибудь советы?

– Вы хотите знать, не посещала ли я психиатра?

– То, что вам довелось пережить, – страшное испытание. Уоррен Хойт проделывал с вами такое, что не всякий коп выдержал бы. Он нанес вам травму

– не только физическую, но и душевную. Для многих подобное потрясение могло бы отозваться тяжелыми последствиями. Воспоминания. Ночные кошмары. Депрессия.

– Да, воспоминания не из приятных. Но я вполне с ними справляюсь.

– Это всегда было вам свойственно, не так ли? Выстоять любой ценой. И никогда не жаловаться.

– Ну почему же? Я, как и все, подвержена слабости.

– Но никогда не показываете виду. И уж конечно скрываете свою ранимость.

– Терпеть не могу нытиков. И не хочу быть одной из них.

– Я не об этом. Я говорю, что нужно быть до конца честным с собой, чтобы признать существование определенных проблем.

– Каких проблем?

– Не мне вам рассказывать, детектив.

– Нет уж, расскажите. Раз вы считаете, что я свихнулась.

– Я этого не говорил.

– Но так думаете.

– Вы первая произнесли слово «свихнулась». Вы действительно ощущаете это состояние?

– Послушайте, я пришла сюда по этому поводу. – И она ткнула в фотографии с места убийства Йигера. – Почему мы вдруг стали говорить обо мне?

– Потому что, когда вы смотрите на эти фотографии, вы видите только Уоррена Хойта. И мне просто интересно почему.

– То дело уже закрыто. И я вычеркнула его из памяти.

– В самом деле? Это правда?

Его вопрос она оставила без ответа. Ей были ненавистны его попытки проникнуть к ней в душу. Ненавистны прежде всего потому, что он знал правду, в которой она не смела признаться. Да, Уоррен Хойт оставил шрамы. Ей достаточно было взглянуть на свои ладони, чтобы лишний раз убедиться в этом. Но самой тяжелой была не физическая боль. В то лето она, заточенная в темном подвале, утратила ощущение собственной непобедимости, чувство уверенности в себе. Уоррен Хойт убедительно продемонстрировал ей, насколько она, в сущности, уязвима.

– Я не собираюсь сейчас обсуждать дело Уоррена Хойта, – сказала она.

– Но ведь именно из-за него вы здесь.

– Нет. Я здесь потому, что вижу параллели между этими двумя убийцами. И кстати, не я одна. Так же думает и детектив Корсак. И давайте наконец перейдем к делу.

– Хорошо, – мягко улыбнулся он.

– Ну так что скажете об этом убийце? – Она опять ткнула пальцем в снимки.

И в очередной раз Цукер уставился на фото доктора Йигера.

– Ваш неизвестный явно человек организованный. Но вы это уже знаете. Он пришел на место преступления в полной боевой готовности. У него был алмаз для резки стекла, электрошокер, скотч. Ему так быстро удалось вывести из строя обоих супругов, что остается только удивляться… – Он взглянул на нее. – Вы исключаете, что у него был сообщник?

– У нас только один комплект отпечатков подошв.

– Выходит, ваш убийца очень ловкий. И хитрый.

– Но он оставил сперму на ковре. То есть дал нам ключ к установлению его личности. Это же чудовищная ошибка.

– Да, верно. И он наверняка это знает.

– Тогда зачем он стал насиловать ее прямо в доме? Почему бы не сделать это позже, в безопасном месте? Если уж он такой организованный и ему удалось проникнуть в дом, сломить сопротивление мужа…

– Может, в том и состоял его замысел.

– В чем?

– Подумайте сами. Доктор Йигер сидит связанный и беспомощный. Вынужденный наблюдать за тем, как другой мужчина овладевает его собственностью.

– Собственностью… – повторила она.

– Да, в сознании нашего неизвестного женщина является олицетворением собственности. Причем собственности другого мужчины. Большинство сексуальных маньяков не рискуют нападать на пары. Они предпочитают охотиться за одинокими женщинами, это легче. Присутствие мужчины опасно. И все-таки наш убийца выбирает именно такой вариант. И заранее готовится нейтрализовать мужчину. Может быть, это часть игры? И присутствие зрителей – еще один источник возбуждения?

«Зрителя в единственном числе». Она перевела взгляд на снимок доктора Йигера, замершего у стены. Да, она тоже подумала именно об этом, когда впервые вошла в гостиную.

Взгляд Цукера устремился в окно. Повисла пауза. Когда он вновь заговорил, голос его был тихим и сонным, словно он находился под гипнозом:

– Все это связано с темой силы. И власти. Господства над другим человеком. Не только над женщиной, но и над мужчиной. Возможно, на самом деле его больше возбуждает именно мужчина. Наш неизвестный понимает, что рискует, но

устоять не может. Он находится в плену своих фантазий, которые властвуют над ним, а он в свою очередь властвует над жертвами. Он – всемогущий. Победитель. Враг обезоружен, беспомощен и жалок, и наш герой поступает так, как всегда поступали армии-победительницы. Он захватывает свой трофей. И насилует женщину. Удовольствие усиливается сознанием того, что доктор Йигер сломлен. Атака, предпринимаемая нашим неизвестным, – это больше чем сексуальная агрессия; это демонстрация мужской силы и власти. Победа одного мужчины над другим. Завоеватель предъявляет свои права.

Студенты на лужайке стали подниматься, стряхивая траву с одежды. Послеполуденное солнце окрасило пейзаж в теплые золотистые тона. «Чем обернется остаток дня для этих молодых людей? – подумала Риццоли. – Возможно, вечером удовольствий, веселой беседой за пиццей и пивом. И глубоким сном, не омраченным ночными кошмарами. У меня такого больше никогда не будет».

Зажужжал ее сотовый телефон.

– Простите, – сказала она, доставая мобильник.

Звонила Эрин Волчко из лаборатории по исследованию волос, тканей и микрочастиц.

– Я исследовала образцы ленты, которой был связан доктор Йигер, – сказала она. – И отчет послала по факсу детективу Корсаку. Но думаю, тебе тоже будет интересно узнать результаты.

– Ну и что мы имеем?

– На липкой стороне ленты имеются короткие коричневые волоски. Они оторвались, когда сдирали ленту с конечностей.

– А волокна?

– Они тоже присутствуют. Но здесь есть одна интересная деталь. На ленте, которую содрали со щиколоток жертвы, обнаружился темно-коричневый волос длиной двадцать один сантиметр.

– Его жена блондинка.

– Я знаю. Потому-то мне эта находка и кажется интересной.

«Неизвестный, – подумала Риццоли. – Это его волос». И спросила:

– Есть клетки эпителия?

– Да.

– Возможно, нам удастся определить код ДНК с этого волоса. Если он совпадет с кодом спермы…

– Он не совпадет.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что этот волос никак не может быть волосом убийцы. – Эрин сделала паузу. – Если только он не зомби.

4

Детективам из бостонского отдела по расследованию убийств достаточно было совершить короткую прогулку по залитому солнцем коридору в южное крыло здания «Шредер плаза», чтобы оказаться в криминалистической лаборатории. Риццоли несчетное количество раз проходила этим маршрутом, и зачастую взгляд ее задерживался на окнах, за которыми просматривался неспокойный квартал Роксбери, где на ночь магазины запирались решетками и крепкими навесными замками. Но сегодня ее мысли были устремлены в строго очерченное русло, и она, не глядя по сторонам, стремительно направилась к комнате C269, в которой располагалась лаборатория по исследованию волос, тканей и микрочастиц.

В этой комнате без окон, заставленной всевозможной аппаратурой, царствовала эксперт-криминалист Эрин Волчко. Отлученная от солнечного света и внешнего мира, она как будто жила в другом измерении, которое открывалось под линзами микроскопов. Слегка прищуренный взгляд и легкое косоглазие выдавали в ней человека, привыкшего подолгу смотреть в окуляр оптического прибора. Когда Риццоли вошла в лабораторию, Эрин оторвалась от рабочего стола и повернулась к ней.

– Я только что выложила его под микроскоп, специально для тебя. Взгляни-ка.

Риццоли присела к столу и уставилась в окуляр. Она увидела протянувшийся горизонтально волос.

– Это тот самый длинный коричневый волос, обнаруженный на полоске скотча, которым были связаны щиколотки доктора Йигера, – пояснила Эрин. – Он единственный такой длинный. Остальные волоски короткие, они были сняты с конечностей жертвы, и еще были волосы с головы жертвы, которые обнаружились на полоске, содранной с его рта. Но этот длинный явно выделяется. И не подходит ни к волосам с головы доктора Йигера, ни к тем, что мы сняли с расчески его жены.

Риццоли вгляделась в стержень волоса.

– Он точно человеческий?

– Да, человеческий.

– Так почему же он не может быть волосом нашего убийцы?

– Посмотри на него внимательней. Скажи мне, что ты видишь?

Риццоли попыталась оживить в памяти все свои познания в области судебной медицины. Она понимала, что Эрин неспроста заставляет ее так тщательно изучать волос; в ее голосе она улавливала знакомое волнение.

– Волос волнистый, степень изгиба примерно ноль-один или ноль-два. И ты говорила, что длина стержня волоса составляет двадцать один сантиметр.

– В женском диапазоне это средняя длина, – сказала Эрин. – Но для мужчины это довольно длинный волос.

– Так тебя длина беспокоит?

– Нет. Длина не указывает на пол.

– Тогда на чем мне нужно сосредоточиться?

– На проксимальном конце. На корне волоса. Не замечаешь ничего странного?

– Прикорневой конец волоса слегка размочаленный. Как щетка.

– Вот именно этого слова я и ждала. Мы называем это щеточным кончиком. Таково сочетание кортикальных волокон. Изучив корень, можно определить, на какой стадии роста находился волос. Хочешь попробовать угадать?

Риццоли вгляделась в луковицу волоса, покрытую тонкой чешуйкой.

– К корню приклеена какая-то прозрачная ткань.

– Это клетка эпителия, – сказала Эрин.

– Значит, волос находился в активном росте.

– Да. Сам корень слегка увеличен, и это свидетельствует о том, что волос находился в фазе позднего анагена. То есть активный рост только-только завершился. И вот эта клетка эпителия может дать нам ДНК.

Риццоли оторвалась от микроскопа и посмотрела на Эрин.

– Я только не понимаю, при чем тут зомби.

Эрин коротко хохотнула:

– Я, разумеется, не в буквальном смысле.

– Тогда что же ты имела в виду?

– Посмотри еще раз на стержень волоса. И двигайся взглядом в сторону от корня.

Риццоли опять прильнула к окуляру и сосредоточилась на темном сегменте волосяного стержня.

– Цвет неоднородный, – заметила она.

– Продолжай.

– Я вижу черную полоску на стержне волоса, недалеко от луковицы. Что это?

– Это так называемая дистальная корневая полосчатость, – пояснила Эрин. – Именно в этом месте сальная железа проходит в волосяной фолликул. Выделения сальной железы содержат ферменты, которые разрушают клетки, то есть происходит нечто вроде пищеварительного процесса, в результате которого и набухает темное кольцо. Именно его я и хотела тебе показать. Дистальная полосчатость. И это полностью исключает возможность того, что волос принадлежит вашему неизвестному. Он мог упасть с его одежды. Но не с головы.

– Почему?

– Дистальная полосчатость и щеточный корень волоса относятся к посмертным изменениям.

Риццоли резко отпрянула от микроскопа. И в изумлении уставилась на Эрин.

– Посмертным?!

– Именно. Они происходят вследствие разложения кожного покрова черепа. Изменения, которые мы наблюдаем в данном случае, совершенно типичные. Так что этот волос никак не мог упасть с головы твоего убийцы, если только он не встал из могилы.

К Риццоли не сразу вернулся дар речи.

– И сколько времени должно пройти с момента смерти человека, чтобы в волосе произошли эти изменения? – наконец спросила она.

– К сожалению, дистальная полосчатость не определяет время смерти. Волос мог выпасть в интервале от восьми часов до нескольких недель после смерти. Более того, волосы с трупов, забальзамированных много лет назад, могут выглядеть так же.

– А если выдернуть волос с головы еще живого человека и оставить его на время? Посмертные изменения проявятся?

– Нет. Те изменения, о которых мы говорим, появляются лишь в том случае, если волос остается в скальпе трупа и изымается уже после смерти. – Эрин встретила изумленный взгляд Риццоли. – Ваш неизвестный субъект явно имел контакт с трупом. И волос остался на его одежде, а потом перекочевал на скотч, когда убийца связывал щиколотки доктору Йигеру.

– Значит, есть еще одна жертва, – тихо произнесла Риццоли.

– Это одна из версий. Но я бы предложила другую. – Эрин подошла к рабочему столу и вернулась с маленьким лотком, в котором липкой стороной вверх лежала полоска скотча. – Этот фрагмент отодрали с запястья доктора Йигера. Я хочу показать тебе его в лучах ультрафиолета. Щелкни вон тем выключателем.

Риццоли погасила свет. В темноте маленькая ультрафиолетовая лампа в руках Эрин зажглась загадочным сине-зеленым светом. Конечно, этот прибор значительно уступал по своей мощности «Краймскопу» Мика, но даже в его луче, упавшем на полоску скотча, проступили любопытные детали. Клейкая лента, оставленная на месте преступления, может оказаться бесценной находкой для детектива. Волокна, волоски, отпечатки пальцев, даже ДНК убийцы – все это можно обнаружить на липкой поверхности. Под ультрафиолетовым лучом Риццоли разглядела крошки пыли и несколько коротких волосков. А по одному краю ленты тянулась очень тонкая полоска каких-то волокон.

– Видишь этот непрерывный ряд волокон по внешнему краю ленты? – спросила Эрин. – Они замечены на ленте, которой были связаны не только запястья, но и

щиколотки. Похоже на фирменную метку производителя.

– Но это не так?

– Нет, не так. Если положить моток ленты на какую-то поверхность, к ее краям непременно приклеятся частички с этой поверхности. Так вот эти волокна как раз и есть следы поверхности, на которой лежал скотч, использованный потом убийцей. – Эрин включила в лаборатории свет, и Риццоли зажмурилась от яркого сияния.

– Ну и что это за волокна?

– Я тебе сейчас покажу. – Эрин вытащила из микроскопа стекло с образцом волоса и заменила его другим образцом. – Ты смотри, а я буду тебе объяснять, что мы видим.

Риццоли вперила взгляд в окуляр и увидела темное волокно, изогнутое в форме буквы С.

– Это край клейкой ленты, – пояснила Эрин. – С помощью направленной струи горячего воздуха мне удалось расслоить ленту. Эти темно-синие волокна тянутся по всей длине. А теперь я покажу тебе поперечное сечение. – Эрин потянулась к папке с файлами, откуда достала снимок. – Вот так оно выглядит под электронным микроскопом. Видишь, оно имеет форму треугольника? Это делается специально, чтобы снизить уровень поглощения пыли. Такое сечение характерно для ковровых волокон.

– Так это искусственный материал?

– Верно.

– А как насчет двойного лучепреломления?

Риццоли знала, что, проходя через синтетическое волокно, свет зачастую выходит оттуда поляризованным в двух разных плоскостях, как при прохождении сквозь кристалл. У каждого типа волокна существовал свой коэффициент двойного лучепреломления, который можно было измерить с

помощью поляризационного микроскопа.

– Вот это синее волокно, – сказала Эрин, – имеет коэффициент двойного лучепреломления ноль-ноль – шестьдесят три.

– Это соответствует какому-то конкретному материалу?

– Нейлону шесть и шесть. Его часто используют для ковров, поскольку он устойчив к загрязнению, прочный и упругий. В частности, эта форма поперечного сечения волокна и его инфракрасная спектрограмма соответствуют продукту фирмы «Дюпон» под названием «Антрон», и его используют в производстве ковров.

– Он темно-синий? – спросила Риццоли. – Пожалуй, этот цвет редко выбирают для дома. Он, скорее, годится для автомобильных ковриков.

Эрин кивнула.

– На самом деле именно этот цвет, номер восемьсот два синий, давно уже предлагают в качестве стандартного варианта отделки салонов американских автомобилей класса «люкс». Например, «кадиллаков» и «линкольнов».

Риццоли сразу уловила, к чему клонит криминалист.

– «Кадиллак» производит катафалки.

– «Линкольн» тоже, – улыбнулась Эрин.

Они обе думали об одном и том же: убийца так или иначе связан с трупами.

Риццоли стала прокручивать в голове список лиц, которым по роду деятельности приходится иметь дело с трупами. Полицейский и врач, которых в первую очередь вызывают на место неожиданной смерти. Патологоанатом и его ассистент. Санитар, бальзамирующий труп, и директор похоронного бюро. Гример морга, который моет волосы, накладывает макияж, готовит усопшего к траурной церемонии. Покойник проходит через руки многих живых, и следы этого контакта вполне могут остаться на любом из тех, кто касался трупа.

Она перевела взгляд на Эрин.

– Пропавшая женщина. Гейл Йигер…

– Что с ней?

– Ее мать умерла месяц назад.

Джо Валантайн лепил из мертвых лиц живые.

Риццоли и Корсак стояли в ярко освещенной покойницкой похоронного бюро Уитни и наблюдали за тем, как ловко работает Джо. В его сундучке стояли всевозможные баночки с тональным кремом, румянами и губной помадой. Это был профессиональный набор театрального гримера, разница состояла лишь в том, что эти кремы и румяна предназначались для того, чтобы вдохнуть жизнь в землистую кожу трупов. Бархатный голос Элвиса Пресли напевал «Люби меня нежно», пока Джо втирал моделирующий воск в безжизненные кисти рук усопшей, умело маскируя следы от множественных инъекций и капельниц.

– Это была любимая музыка миссис Обер, – пояснял он по ходу дела, время от времени поглядывая на любительские снимки, прикрепленные к пюпитру, который он установил рядом со столом.

Риццоли предположила, что это были фотографии миссис Обер, хотя живая женщина, изображенная на них, была явно далека от серого высохшего трупа, над которым сейчас трудился Джо.

– Сын говорит, что она была помешана на Элвисе, – продолжал Джо. – Три раза ездила в Грейсленд. Он принес сюда эту кассету, чтобы она звучала, пока я буду гримировать ее. Знаете, я всегда стараюсь ставить их любимые мелодии. Мне это помогает лучше понять их. О человеке можно многое узнать, если послушать музыку, которую он любит.

– Ну и как же должна выглядеть фанатка Элвиса? – поинтересовался Корсак.

– Ну, знаете… Помада поярче. Пышный начес. Ничего общего с теми, кто слушает, скажем, Шостаковича.

– А какую музыку слушала миссис Хэллоуэлл?

– Честно говоря, я не помню.

– Вы работали с ней месяц назад.

– Да, но я не всегда помню детали.

Джо закончил работать с руками и переместился в изголовье, где приступил к макияжу под ритмичный аккомпанемент рок-н-ролльной песенки. В черных джинсах и тяжелых ботинках «Доктор Мартенс» он казался хиппующим художником, задумчиво созерцающим чистый холст. Только его холстом была холодная плоть, а инструментами – кисть для макияжа и тюбик губной помады.

– Я думаю, ей подойдет бронзовый оттенок, – произнес он и потянулся к краске. Шпателем он принялся смешивать цвета на палетке из нержавеющей стали. – Да, это вполне в духе стареющей поклонницы Элвиса.

Он принялся втирать тональный крем в щеки покойной, постепенно двигаясь к серебристым корням волос.

– Может быть, вы помните, о чем говорили с дочерью миссис Хэллоуэлл? – спросила Риццоли.

Она достала фотографию Гейл Йигер и показала ее Джо.

– Вам лучше спросить у мистера Уитни. Он здесь главный. Я лишь его помощник…

– Но вы, должно быть, обсуждали с миссис Йигер макияж для ее матери. Ведь вы готовили тело к похоронам.

Взгляд Джо скользнул по фотографии Гейл Йигер.

– Я помню, что она была действительно очень красивой женщиной, – тихо произнес он.

Риццоли вопросительно взглянула на него:

– Кто?

– Послушайте, я ведь слежу за новостями. Не думаете же вы в самом деле, что миссис Йигер еще жива? – Джо хмуро уставился на Корсака, который бродил по комнате, заглядывая во все шкафчики. – Хм… детектив! Вы что-нибудь ищете?

– Нет, ничего. Просто интересно, что хранится в покойницкой. – Он залез в один из шкафчиков. – Это что, щипцы для завивки?

– Да. Мы же производим укладку волос. И маникюр делаем. Все, что нужно, чтобы клиент выглядел наилучшим образом.

– Я слышал, вы настоящий мастер своего дела.

– Пока никто не жаловался.

– А ваши клиенты разве могут жаловаться? – рассмеялся Корсак.

– Я имею в виду их родных. Родные довольны.

Корсак отложил щипцы.

– Как давно вы работаете на мистера Уитни, лет семь уже?

– Около того.

– Наверное, сразу после окончания средней школы?

– Я начал с того, что мыл его катафалки, убирался в покойницкой, выезжал на ночные вызовы. Потом мистер Уитни попросил помогать ему в бальзамировании. Теперь, когда он уже немолод, я делаю здесь практически все.

– Я так понимаю, что у вас есть и лицензия на бальзамирование трупов?

Последовала пауза.

– Хм, нет. Я так и не удосужился приобрести ее. Я просто помогаю мистеру Уитни.

– Почему вы не подаете заявку на лицензию? Это было бы шагом вперед в вашей карьере.

– Меня вполне устраивает мой нынешний статус.

Джо вновь переключил свое внимание на миссис Обер, лицо которой уже заметно порозовело. Нежно орудуя щеточкой, он принялся подкрашивать ее серые брови. В то время как его сверстники стремились взять от жизни все, молодой Джо Валантайн предпочитал проводить дни наедине со смертью. Он перевозил трупы из больниц и богаделен в эту чистую, ярко освещенную комнату. Мыл и обтирал их, укладывал им волосы, втирал в их безжизненную кожу кремы и краски, пытаясь создать иллюзию жизни. Приукрашивая миссис Обер, он бормотал:

– Прелестно. Да, прелестно. Вы будете выглядеть роскошно…

– Итак, Джо, – не унимался Корсак, – вы работаете здесь семь лет, верно?

– Разве я не сказал вам об этом только что?

– И за это время даже не пытались обратиться по поводу получения собственной лицензии?

– Почему вы так настойчиво спрашиваете об этом?

– Может, вы просто заранее знали, что никогда не получите ее?

Джо напрягся, его рука застыла в воздухе, сжимая тюбик губной помады. Он промолчал.

– Старик Уитни знает о вашем криминальном прошлом? – спросил Корсак.

Джо наконец поднял на него взгляд.

– Вы ведь не рассказали ему, я надеюсь?

– Возможно, и следовало бы рассказать. О том, как ты до смерти напугал ту бедную девчонку.

– Мне было всего восемнадцать. Это была ошибка…

– Ошибка? Что, забрался не в то окошко? Выследил не ту девушку?

– Мы вместе учились в школе! Это была моя знакомая!

– Выходит, ты лазаешь в окна только к знакомым девушкам? Что еще ты проделываешь, пока безнаказанно?

– Я же сказал вам, это была ошибка!

– Может, когда-нибудь пробирался в чужие дома? В чужие спальни? Крал что-нибудь из нижнего белья – ну, там – лифчик, здесь – пару трусиков?

– О господи.

Джо стоял, уставившись в пол, где валялся выпавший из его рук тюбик помады. Казалось, еще немного – и с ним случится обморок.

– Знаешь, чрезмерно любопытные все время в поиске новых приключений, – не унимался Корсак. – С каждым разом все менее безобидных.

Джо подошел к проигрывателю и выключил музыку. В воцарившейся тишине он повернулся к нам спиной и уставился в окно, которое выходило на кладбище.

– Вы хотите сломать мне жизнь, – сказал он.

– Нет, Джо. Мы просто пытаемся вывести тебя на откровенный разговор.

– Мистер Уитни ничего не знает.

– Ему и не нужно знать.

– При условии?..

– Где ты был в воскресенье вечером?

– Дома.

– Один?

Джо вздохнул:

– Послушайте, я понимаю, к чему вы клоните. И знаю, что вам нужно. Но я уже сказал вам, что едва знаком с миссис Йигер. Я занимался только ее матерью. Знаете, я хорошо поработал с ней. Мне потом об этом все говорили. Она выглядела как живая.

– Ты не против, если мы заглянем в твою машину?

– Зачем?

– Просто осмотрим.

– Я против. Но вы ведь все равно туда полезете, не так ли?

– Только с твоего разрешения. – Корсак выдержал паузу. – Знаешь, сотрудничество – это улица с двусторонним движением.

Джо продолжал пялиться в окно.

– Сегодня на кладбище похороны, – тихо произнес он. – Видите все эти лимузины? Еще в детстве я любил смотреть на похоронные процессии. Они

такие красивые, такие величественные. Это единственное, что люди делают правильно. Единственное, что они не успели разрушить или испортить. Не то что свадьбы, на которых они вытворяют всякие глупости вроде прыжков с парашютом или клятв в прямом эфире на всю страну. На похоронах мы пока еще выказываем уважение друг к другу…

– Твоя машина, Джо, – оборвал его Корсак.

Джо наконец обернулся к ним и направился к одному из шкафчиков. Достав оттуда связку ключей, он протянул ее Корсаку:

– Коричневая «хонда».

Риццоли и Корсак стояли, уставившись на серо-коричневый коврик, выстилавший багажник автомобиля Джо Валантайна.

– Черт! – Корсак хлопнул крышкой багажника. – Но я все равно не отстану от этого парня.

– Но у вас нет на него ничего.

– Видели его ботинки? Похоже, одиннадцатого размера. А в катафалке коврики темно-синие.

– Как и в тысячах других машин. Так что совсем не обязательно, что он тот, кто нам нужен.

– Ну, не подозревать же мне старика Уитни. – Хозяину Джо, Леону Уитни, было шестьдесят шесть лет. – Послушайте, у нас есть ДНК убийцы, – продолжил Корсак. – Остается лишь взять ДНК Джо.

– Вы полагаете, что он отольет вам спермы в чашку?

– Если хочет сохранить работу, думаю, он сделает все, что ему прикажут.

Риццоли бросила взгляд через дорогу, в сторону кладбища, из ворот которого уже выходила похоронная процессия. Как только мертвые преданы земле, жизнь продолжается, подумала она. Какой бы ни была трагедия, жизнь должна двигаться вперед. И я тоже.

– У меня больше нет возможности заниматься этим делом, – сказала она.

– Что?

– У меня полно своей работы. И к тому же я не думаю, что дело Йигера как-то связано с Уорреном Хойтом.

– Но три дня назад вы думали по-другому.

– Я ошибалась.

Риццоли прошла к своей машине, открыла дверцу и опустила стекла. Жаркие волны хлынули на нее из раскаленного салона.

– Я вас чем-то обидел или просто достал? – спросил Корсак.

– Нет.

– Тогда почему вы выходите из игры?

Она села за руль. Сиденье нещадно жгло даже сквозь брюки.

– Весь последний год я пыталась вычеркнуть из памяти Хирурга, – сказала она. – Я должна избавиться от него. Нужно прекратить искать его след во всех преступлениях, с которыми я сталкиваюсь.

– Знаете, иногда интуиция – лучший подсказчик.

– Иногда. Но чувства далеко не факты. И нет ничего особенного в интуиции полицейского. В конце концов, что такое наши ощущения? Как часто они подводили нас? – Риццоли повернула ключ в замке зажигания. – К сожалению,

слишком часто.

– Так вы на меня не в обиде?

Она хлопнула дверцей.

– Нет.

– Точно?

Она посмотрела на него в открытое окно. Он стоял, щурясь на солнце, и его глаза казались щелочками под кустистыми бровями. На его руках щетинились темные волосы, и весь он был какой-то тяжелый, громоздкий, чем-то напоминающий гориллу. Нет, он не достал ее. Но все равно она не могла смотреть на него без некоторого отвращения.

– Просто у меня больше нет времени, чтобы заниматься этим делом, – сказала она. – Сами понимаете.

За рабочим столом Риццоли с головой ушла в изучение бумаг, накопившихся за время ее отсутствия. Верхней в стопке была папка с делом по трупу из самолета. Личность жертвы до сих пор не была установлена, и останки все еще лежали невостребованными в судебном морге. Риццоли слишком долго не занималась этим делом. Но, даже открыв папку и принявшись изучать снимки, сделанные в ходе вскрытия, она продолжала думать о Йигерах и человеке, на одежде которого оказался волос с трупа. Она просматривала расписание вылетов и прилетов аэропорта Логан, а перед глазами стояло улыбающееся лицо Гейл Йигер с фотографии на комоде. Риццоли вспомнила галерею женских фотографий, вывешенных в комнате совещаний год назад, когда шло расследование дела Хирурга. Те женщины тоже улыбались, и в их глазах светилась жизнь. Думая про Гейл Йигер, Риццоли почему-то вспоминала мертвых – тех, кто был до нее.

И в который раз задавалась вопросом: не среди них ли уже и Гейл?

Завибрировал пейджер, и от его жужжания Риццоли вздрогнула, словно от удара током. Пришло сообщение, которое грозило расстроить все ее планы на день. Она сняла трубку телефона.

Уже через минуту она выбегала из здания.

5

Собака была желтым лабрадором, и присутствие полицейских довело ее до крайнего возбуждения, граничащего с истерикой. Пес рвался с поводка, которым был привязан к дереву. Хозяин собаки, жилистый мужчина средних лет в спортивных шортах, сидел рядом на большом камне, уронив голову на руки и не обращая ни малейшего внимания на умоляющий визг своего питомца.

– Хозяина зовут Пол Вандерслут. Живет на Ривер-стрит, в миле отсюда, – доложил патрульный Грегори Доуд, который уже успел оцепить место происшествия, натянув ленту.

Они стояли на краю муниципального поля для гольфа, граничащего с лесопарком Стоуни-Брук. Расположенный на южной окраине Бостона, парк был со всех сторон окружен пригородами. Но сами четыреста семьдесят пять акров Стоуни-Брука представляли собой живописный ландшафт с лесистыми холмами и долинами, россыпями скальных пород и болотами. Зимой парк бороздили лыжники, а летом его тихие леса служили отдушиной для любителей бега трусцой.

В том числе и для мистера Вандерслута, пока собака не вывела его к тому, что лежало между деревьями.

– Он говорит, что каждый день бегает здесь с собакой, – продолжал офицер Доуд. – Обычно его маршрут начинается на Ист-Баундари-роуд, идет через лес, а возвращается он этой дорогой, вдоль кромки поля для гольфа. На круг выходит четыре мили. Он говорит, что никогда не спускает собаку с поводка. Но сегодня пес сорвался и убежал. Они поднимались вверх по дороге, когда собака отклонилась в сторону и рванула в лес. Вандерслут последовал за ней. И едва не

упал, споткнувшись о тело. – Доуд бросил взгляд на бегуна, который все сидел на камне. – Сразу же позвонил девять-один-один.

– Он звонил с сотового?

– Нет, мэм. Из телефонной будки в Томпсон-центре. Я прибыл на место примерно в два двадцать. Ничего не трогал. Лишь зашел подальше в лес, чтобы убедиться, что труп там. Углубившись ярдов на пятьдесят, я уже учуял его запах. И еще через пятьдесят ярдов увидел само тело. После этого я вернулся и оцепил место происшествия.

– А когда сюда прибыли остальные?

– Детективы Слипер и Кроу прибыли около трех. Судмедэксперт – примерно в три пятнадцать. – Он сделал паузу. – А вас я не сразу заметил.

– Мне позвонила доктор Айлз. Как я понимаю, пока мы паркуем машины на поле для гольфа?

– Так приказал детектив Слипер. Он не хочет, чтобы автомобили просматривались со стороны Эннекинг-паркуэй. Опасается любопытных глаз.

– Прессы еще нет?

– Нет, мэм. Я принял меры предосторожности и не стал докладывать о происшествии по рации. Позвонил из таксофона, что на дороге.

– Хорошо. Может быть, нам повезет и они вообще не появятся.

– Ох-хо-хо, – произнес Доуд. – Похоже, стервятники уже начали слетаться.

Темно-синий «маркиз» пересек поле для гольфа и припарковался возле фургона судмедэкспертизы. Знакомая толстая фигура выползла из машины и принялась зачесывать на лысину растрепавшиеся пряди.

– Это не репортер, – успокоила его Риццоли. – Я жду этого парня.

Корсак уже приблизился к ним.

– Вы в самом деле полагаете, что это она? – спросил он.

– Доктор Айлз считает, что вероятность очень высока. Если так, то ваш убийца переместился в пределы Бостона. – Риццоли взглянула на Доуда. – С какой стороны нам лучше подойти, чтобы ничего не нарушить?

– Лучше всего с востока. Слипер и Кроу уже отсняли на видео этот ракурс. Отпечатки подошв и следы волочения тянутся с другой стороны, начиная от Эннекинг-паркуэй. Короче, идите на запах.

Риццоли и Корсак проскользнули под ленту оцепления и направились в лес. Деревья здесь росли плотной стеной, как в настоящей чаще. Острые ветки так и норовили расцарапать лицо, цеплялись за одежду. Наконец детективы выбрались на аллею и заметили болтавшийся на дереве клочок полицейской ленты.

– Мужчина бежал как раз по этой аллее, когда собака рванула от него в лес, – пояснила Риццоли. – Похоже, Слипер оставил нам метку.

Они пересекли аллею и вновь углубились в лес.

– О боже! Кажется, я уже чувствую запах, – поморщился Корсак.

Еще не увидев тела, они расслышали зловещее жужжание мух. Сухие ветки хрустели под ногами, заставляя вздрагивать, как от выстрелов. Впереди за деревьями они увидели Слипера и Кроу, которые с гримасами отвращения на лицах отмахивались от назойливых насекомых. Доктор Айлз сидела на корточках рядом, и редкие лучики солнца искрились в ее черных прядях. Подойдя ближе, они увидели, чем она занимается.

– Проклятье! – в ужасе завопил Корсак. – Пожалуй, лучше бы на это не смотреть.

– Стекловидное тело, – произнесла Айлз почти сладострастно. – Это даст нам еще одну возможность установить время, прошедшее с момента смерти.

«Установить время смерти будет трудно», – подумала Риццоли, глядя на обнаженное тело. Айлз уже перекатила его на простыню, и оно лежало лицом вверх, с выпученными от жары глазами. На шее выделялось ожерелье из синяков. Длинные светлые волосы больше напоминали пук соломы. Раздутый живот уже приобрел зеленоватый оттенок. Кровеносные сосуды, тронутые пятнами бактериального распада, словно черные реки, тянулись под почти прозрачной кожей. Но все эти ужасы меркли перед тем, чем сейчас занималась доктор Айлз. Роговица глаза является самой чувствительной поверхностью человеческого тела; мельчайшая песчинка или ресница, попавшие на нее, могут вызвать сильнейший дискомфорт. Вот почему Риццоли и Корсак с таким ужасом смотрели на то, как Айлз вонзает в глаз трупа иглу шприца и медленно выкачивает студенистую жидкость из стекловидного тела.

– Выглядит просто замечательно, прозрачная, – довольно произнесла Айлз. Она поместила шприц в контейнер со льдом и, поднявшись, царственным взглядом обвела место происшествия. – Температура печени всего на два градуса ниже окружающей, – сказала она. – Признаков повреждения животными и насекомыми не отмечено. Она недолго пролежала в этом месте.

– Ее просто выбросили здесь? – спросил Слипер.

– Судя по синюшности, она умерла, лежа лицом вверх. Видите, насколько темнее спина – там, где скапливалась кровь? Но нашли ее здесь лежащей лицом вниз.

– Выходит, ее сюда перенесли.

– Не далее как двадцать четыре часа тому назад.

– Похоже, она умерла задолго до этого, – сказал Кроу.

– Да. Она дряблая, опухшая. Кожа уже отслаивается.

– А носовое кровотечение? – поинтересовался Корсак.

– Распад крови. У нее начинается процесс испражнения. Жидкость выдавливается за счет внутреннего скопления газов.

– Время смерти? – спросила Риццоли.

Айлз молча уставилась на неестественно распухшие останки женщины, которую все они принимали за Гейл Йигер. Тишину нарушало лишь жужжание жадных мух. Разве что светлые волосы напоминали о той женщине с фотографий, некогда заставлявшей мужчин оборачиваться ей вслед. Безобразный труп лишний раз давал понять, что и красавица, и бездомный бродяга в одинаковой степени беззащитны перед бактериями и насекомыми, с тупым равнодушием поглощающими плоть.

– Я не могу ответить, – покачала головой Айлз. – Пока не могу.

– Ну больше, чем день? – настаивала Риццоли.

– Да.

– Похищение произошло в субботу ночью. Можно сказать, что она мертва с тех пор?

– Четыре дня? Это зависит от температуры окружающей среды. Отсутствие видимых повреждений насекомыми дает возможность предположить, что тело до недавнего времени держали в помещении. Причем в закрытом. Кондиционированный воздух замедляет процесс разложения.

Риццоли и Корсак обменялись многозначительными взглядами, поскольку оба подумали об одном и том же: почему убийца ждал так долго, прежде чем избавиться от разлагающегося трупа?

У детектива Слипера затрещала рация, и они расслышали голос Доуда:

– Только что прибыли детектив Фрост и бригада криминалистов. Вы готовы принять их?

– Пусть ждут, – сказал Слипер. Он уже выглядел усталым, измученным жарой. Старейший детектив в отделе, ему оставалось пять лет до пенсии, и не нужно было никому ничего доказывать. Он посмотрел на Риццоли. – Выходит, нам придется начинать это дело с конца. Вы ведь работали по нему с ньютонской

полицией?

Она кивнула:

– С понедельника.

– В таком случае вы возглавите расследование?

– Да, – подтвердила Риццоли.

– Эй, – запротестовал Кроу. – Мы первыми прибыли на место происшествия.

– Похищение произошло в Ньютоне, – вмешался Корсак.

– Но труп ведь всплыл в Бостоне, – не сдавался Кроу.

– Господи, – застонал Слипер. – Какого черта мы спорим?

– Это мое дело, – твердо заявила Риццоли. – Я буду вести его. – И испытующе уставилась на Кроу, словно бросая ему вызов.

Она уже была готова к очередной вспышке соперничества между ними и видела, как у него дернулся утолок рта в издевательской усмешке.

В этот момент Слипер объявил по рации:

– Расследование возглавляет детектив Риццоли. – И вновь перевел на нее взгляд. – Вы готовы впустить сюда бригаду криминалистов?

Она посмотрела на небо. Было уже пять вечера, и солнце спряталось за верхушками деревьев.

– Давайте, пока еще светло.

Место происшествия в лесу, да еще в сгущающихся сумерках, было не самым приятным объектом для работы. В лесах дикие животные лихо расправлялись с

останками и вещественными доказательствами. Дожди смывали кровь и сперму, ветер развеивал микрочастицы. И не было дверей, которые можно запереть от посторонних глаз и любопытных прохожих. Поэтому она прекрасно понимала, что криминалистам нужно срочно приступать к работе. Вооруженные металлоискателями, эти зоркие следопыты призваны были исследовать каждый клочок земли в поисках бесценных улик.

К тому времени как Риццоли выбралась из чащи леса на поле, с нее сошло семь потов и она чувствовала себя вконец измученной. Она остановилась, чтобы отряхнуться, и вдруг ее внимание привлек светловолосый мужчина в костюме и галстуке, который стоял возле фургона судмедэкспертизы, прижимая к уху сотовый телефон.

Риццоли подошла к Доуду, который все еще прохаживался вдоль ленты оцепления.

– Кто это там, в костюме? – спросила она.

Доуд метнул взгляд в сторону незнакомца.

– Этот? Говорит, что из ФБР.

– Что?!

– Козырнул своим удостоверением и попытался пройти через оцепление. Я сказал ему, что для начала нужно согласовать с вами. Кажется, он был не в восторге.

– При чем здесь ФБР?

– Вы меня спрашиваете?

Появление федерального агента расстроило ее. Как возглавляющая расследование, она не нуждалась в чьем-либо руководстве, а этот человек со своей военной выправкой и в костюме бизнесмена уже выглядел хозяином положения. Риццоли направилась к нему, но он заметил ее присутствие, лишь когда она приблизилась чуть ли не вплотную.

– Прошу прощения, – сказала она. – Я так понимаю, вы из ФБР?

Он громко хлопнул крышкой своего сотового телефона и обернулся. Она увидела перед собой волевое мужское лицо с холодным непроницаемым взглядом.

– Я детектив Джейн Риццоли, руководитель расследования, – произнесла она. – Могу я посмотреть ваше удостоверение?

Он полез в карман пиджака и достал «корочки». Изучая документ, она ощущала на себе его оценивающий и покровительственный взгляд, который ничего, кроме возмущения, в ней не вызывал.

– Агент Габриэль Дин, – сказала она, возвращая ему удостоверение.

– Да, мэм.

– Могу я спросить, что здесь делает ФБР?

– Я не думал, что мы соперники.

– Разве я так сказала?

– Вы ясно дали понять, что мое присутствие здесь нежелательно.

– Просто не могу сказать, что ФБР – частый гость на месте происшествия. И мне любопытно, что же привело вас сюда на этот раз.

– Мы получили сводку из ньютонского полицейского управления по убийству Йигера.

Ответ был явно неполным; он многое недоговаривал, словно заставляя ее задавать наводящие вопросы. Утаивание информации было своеобразной формой проявления власти, и Риццоли понимала, в какую игру он ее втягивает.

– Видимо, сводки слетаются к вам отовсюду.

– Да, это так.

– По каждому убийству, верно?

– Да, нас ставят в известность.

– Так что такого особенного в нашем убийстве?

Он уставился на нее непроницаемым взглядом:

– Думаю, об этом могут судить только жертвы.

Риццоли чувствовала, как закипевшая в ней злость норовит вырваться наружу.

– Этот труп был обнаружен лишь несколько часов назад, – сказала она. – Неужели сводки теперь подаются с такой скоростью?

Его губы дрогнули в некоем подобии улыбки.

– Мы же не дилетанты, детектив. И было бы неплохо, если бы вы предоставили нам более подробную информацию. Протоколы вскрытия. Вещественные доказательства. Свидетельские показания…

– Это же уйма бумаг.

– Я понимаю.

– И вы все это хотите получить?

– Да.

– Есть особая причина вашего интереса?

– А почему вы считаете, что убийство и похищение не могут нас заинтересовать? Мы бы хотели вести это дело.

Несмотря на внушительный вид агента Дина, Риццоли не побоялась подойти к нему совсем близко.

– И когда планируете приступить к работе?

– Это дело остается вашим. Я здесь только для того, чтобы помогать вам.

– Даже если мне не требуется помощь?

Его взгляд переместился на санитаров, которые появились из леса и стали грузить носилки с останками в фургон.

– Неужели так важно, кто ведет дело? – тихо спросил он. – Главное ведь, чтобы преступник был пойман.

Они проводили взглядами фургон, который увозил уже оскверненный труп на дальнейшую экзекуцию, на этот раз на секционном столе. Ответ Габриэля Дина напомнил ей о том, насколько мелки и незначительны их амбиции. Ведь Гейл Йигер было все равно, кому достанутся лавры победителя. Ее загубленная жизнь требовала только справедливого отмщения, и неважно, кто этого добьется. Справедливость – вот в чем состоял долг Риццоли перед ней.

Но она слишком хорошо знала, каково бывает, когда коллеги присваивают себе результаты ее тяжелого кропотливого труда. Ей не раз приходилось сталкиваться с тем, что мужчины невозмутимо выходят на первый план, когда ею буквально по кирпичикам собраны все доказательства. И сейчас она была полна решимости не допустить повторения прошлых ошибок.

– Я ценю ваше предложение о помощи. Но у нас есть все необходимое для дальнейшей работы. Я дам вам знать, если понадобится консультация. – С этими словами она развернулась и пошла прочь.

– Я не уверен, что вы до конца понимаете ситуацию, – произнес агент Дин. – Теперь мы с вами одна команда.

– Не помню, чтобы я просила у ФБР помощи.

– Вопрос согласован с вашим начальником – лейтенантом Маркеттом. Хотите поговорить с ним? – Он протянул ей свой сотовый телефон.

– У меня есть свой, благодарю.

– В таком случае я настоятельно прошу вас позвонить ему. Чтобы мы больше не тратили время на словесные баталии.

Ее поразило то, как быстро и ловко он вступил в свои права. И насколько точно она его оценила. Да, он явно не из тех, кто привык держаться в тени.

Она достала свой телефон и начала набирать номер. Но прежде чем Маркетт ответил, она услышала, что ее зовет патрульный Доуд.

– Вас вызывает детектив Слипер. – Доуд протянул ей рацию.

Она нажала на кнопку связи.

– Риццоли слушает.

Сквозь треск до нее донесся голос Слипера:

– Вам бы стоило вернуться сюда.

– Что там у вас?

– Мм… лучше бы вам самой увидеть. Примерно в пятидесяти шагах к северу обнаружен еще один…

«Еще один?»

Она сунула рацию Доуду и бросилась к лесу. В спешке она не сразу заметила, что Габриэль Дин следует за ней. Только расслышав хруст веток за спиной, она обернулась и увидела его мрачное и сосредоточенное лицо. Времени на споры не было, поэтому она молча продолжила путь.

Вскоре она увидела своих коллег, которые полукругом стояли под деревьями, склонив головы в скорбном молчании. Слипер первым заметил ее.

– Ребята только-только закончили обход территории с металлоискателями, – доложил он. – Они уже шли обратно к полю, когда прибор подал сигнал.

Риццоли подошла ближе и присела на корточки, чтобы рассмотреть находку.

Скальп, снятый с тела, лежал чуть в стороне от останков, почти превратившихся в скелет. Сияющая золотая коронка резко выделялась из ряда запачканных грязью зубов. Риццоли не увидела ни одежды, ни обрывков ткани – лишь голые кости, прикрытые лоскутами высохшей кожи. Длинные темные волосы, смешавшиеся с листвой, указывали на то, что останки принадлежат женщине.

Она выпрямилась, но взгляд ее продолжал ощупывать землю. Москиты нещадно жалили, пили ее кровь, но она не чувствовала боли. Словно завороженная, она все смотрела под ноги, на плотный ковер из мертвых листьев и опавших веток и испытывала неподдельный ужас.

«Сколько же женщин лежит в этих лесах?»

– Здесь у него свалка.

Риццоли обернулась и посмотрела на Габриэля Дина, который первым нарушил молчание. Он сидел на корточках в нескольких шагах от нее и шарил в листве. Она даже не заметила, когда он успел надеть перчатки. Он встал, и они встретились взглядами.

– Ваш убийца использовал это место и раньше, – сказал Дин. – И возможно, придет сюда еще раз.

– Если мы не спугнем его.

– В том-то и задача. Нужно все сделать по-тихому. Если вы не спугнете его, есть вероятность, что он вернется. Не только для того, чтобы свалить очередной труп, но просто так – чтобы вновь пережить возбуждение.

– Вы что, психолог?

Он оставил ее вопрос без ответа и окинул взглядом стоявших вокруг полицейских.

– Если нам удастся сохранить это в тайне от прессы, у нас появится шанс. Но мы должны немедленно свернуть здесь всю активность.

Мы. Этим единственным словом он обозначил свое участие в команде, на которое она не давала согласия. И вот уже они стали партнерами, и он отдает распоряжения. Но больше всего в этой ситуации ее бесило то, что окружающие слушали их разговор и понимали, что ее авторитет под угрозой.

Только Корсак со свойственной ему прямолинейностью осмелился вмешаться в диалог.

– Прошу прощения, детектив Риццоли, – произнес он. – Кто этот джентльмен?

– Агент ФБР, – ответила она, не сводя глаз с Дина.

– Может, кто-нибудь объяснит мне, с какого момента это дело приобрело статус федерального расследования?

– Оно и не приобретало этого статуса, – отчеканила Риццоли. – И агент Дин как раз собирается покинуть место происшествия. Кто-нибудь может проводить его?

Какое-то мгновение они с Дином в упор смотрели друг на друга. Потом он едва заметно кивнул, молчаливо признавая ее победу в этом раунде.

– Я сам найду обратную дорогу, – сказал он и, развернувшись, зашагал в направлении поля для гольфа.

– Что за типы эти федералы, – в сердцах произнес Корсак. – Вечно мнят себя корифеями. И с чего это ФБР вздумало совать нос в это дело?

Риццоли задумчиво смотрела вслед Габриэлю Дину, неясный силуэт которого уже исчез за деревьями.

– Если бы я знала, – тихо сказала она.

Лейтенант Маркетт прибыл на место происшествия спустя полчаса.

Присутствие старшего офицера никогда не радовало рядовых сотрудников, а Риццоли так вообще терпеть не могла, когда босс маячил за спиной, в то время как она работала. Но сейчас Маркетт скромно стоял в сторонке, молчаливо оценивая ситуацию.

– Лейтенант, – поприветствовала она его.

Он кивнул в ответ:

– Риццоли.

– Что там с Бюро? Здесь был их агент, рассчитывал получить полный доступ к расследованию.

Он понимающе кивнул:

– Просьба была спущена из комиссариата полиции.

Выходит, участие федералов было санкционировано сверху.

На ее глазах криминалисты упаковали оборудование и направились к своему фургону. Хотя все происходило в пределах городской черты Бостона, этот отдаленный уголок парка Стоуни-Брук казался глушью. Легкий ветерок разносил по лесу трупный запах. Сквозь деревья пробивался луч фонарика Барри Фроста, который в сумерках сматывал ленту оцепления, заметая следы пребывания полиции. Сегодня вечером можно устанавливать скрытое наблюдение, – возможно, убийца и вернется на место преступления, тоскуя по запаху смерти и некогда пережитым ощущениям.

– Выходит, у меня нет выбора? – спросила Риццоли. – Я вынуждена сотрудничать с агентом Дином?

– Я заверил комиссариат, что мы готовы к сотрудничеству.

– А в чем здесь интерес федералов?

– Вы разве не спросили у Дина?

– С ним говорить все равно что вон с тем деревом. Вопросов задаешь много, а ответов – ноль. Короче, я не испытываю восторга от перспективы такого сотрудничества. Получается, мы раскрываем ему все карты, а в ответ получаем фигу в кармане.

– Может, вы просто не нашли к нему правильного подхода.

От злости в ней закипела кровь. Она поняла скрытый смысл его заявления: «Вы, как всегда, в своем репертуаре, Риццоли. Так и норовите опустить мужиков».

– Вы когда-нибудь встречались с агентом Дином? – поинтересовалась Риццоли.

– Нет.

– Счастливчик, – саркастически хохотнула она.

– Послушайте, я выясню все, что возможно. А вы попытайтесь поработать с ним, договорились?

– Разве я не пыталась?

– Судя по тому, что вы прогнали его с места происшествия… вряд ли это можно назвать продуктивным сотрудничеством.

– Он пытался поставить под сомнение мой авторитет. Я должна была пресечь это на корню. Я возглавляю расследование? Или уже нет?

Пауза.

– Возглавляете.

– Надеюсь, агент Дин будет поставлен в известность об этом.

– Я позабочусь. – Маркетт окинул взглядом лес. – Итак, мы имеем уже два комплекта останков. Обе женщины?

– Судя по пропорциям скелета и остаткам волос, второй труп тоже женский. Мягких тканей не осталось – все съедено животными. Причину смерти визуально установить невозможно.

– Мы можем быть уверены, что поблизости больше нет трупов?

– Собаки ничего не нашли.

Маркетт вздохнул:

– Слава богу.

На ремне завибрировал пейджер. Риццоли взглянула на экран и узнала телефонный номер абонента. Звонили из лаборатории патологоанатома.

– Совсем как прошлым летом, – пробормотал Маркетт, продолжая созерцать деревья. – Хирург тоже начал убивать примерно в это время.

– Это все жара, – сказала Риццоли и потянулась к сотовому телефону. – Она выкуривает монстров из нор.

6

Свобода лежит у меня на ладони.

Она имеет форму крошечного белого пятиугольника с выбитым на одной стороне шифром MSD 97. Декадрон, четыре миллиграмма. Какая милая форма таблетки –

не надоевшие шарик или капсула. Это какой-то особый дизайн, чей-то каприз. Я даже вижу перед собой маркетологов из корпорации «Мерк фармасьютикл», которые, собравшись за столом, задают друг другу вопрос: «Как бы сделать нашу таблетку мгновенно узнаваемой?» И в результате на свет появляется этот пятиугольничек, который я сейчас держу в руке, словно бесценное сокровище. Я долго хранил его, прятал в прорези матраса, ожидая подходящего момента, когда он наконец сможет проявить свою чудодейственную силу.

Ожидая сигнала.

Я сижу на койке в своей камере, у меня на коленях раскрытая книга. Камера наблюдения фиксирует лишь примерного заключенного, читающего «Полное собрание сочинений» Уильяма Шекспира. Но видеть сквозь обложку она не может. Как не может видеть того, что у меня в руке.

Внизу, в комнате отдыха, надрывается телевизор, стучит по столу шарик пинг-понга. Еще один незабываемый вечер в тюремном блоке «С». Через час по селектору объявят отбой, и заключенные разбредутся по камерам, клацая подошвами по металлическим ступеням. Они послушно разойдутся по своим клеткам, словно дрессированные крысы по приказу невидимого хозяина. Команду введут в компьютер, и двери камер одновременно закроются на замки, запирая крыс на ночь.

Я подаюсь вперед, почти утыкаясь носом в страницу, как будто шрифт слишком мелкий. Изо всех сил сосредоточиваюсь на строчке: «Двенадцатая ночь», акт III, сцена 3: «Улица. Входят Антонио и Себастьян…»

Здесь вам ничего не обломится, друзья мои. Перед вами всего лишь узник, читающий книгу. Он вдруг кашляет и инстинктивно прикрывает рот рукой. Видеокамера не видит крохотной таблетки в моей ладони. Не видит легкого касания языка, который отправляет таблетку в рот. Я глотаю ее всухую, мне не нужна вода. Она такая маленькая, что легко проскакивает в горло.

Она еще не успевает раствориться в желудке, а я уже воображаю себе, будто наливаюсь ее мощью. Декадрон – фирменное название дексаметазона, адренокортикостероида, который оказывает мощнейшее влияние на каждый орган человеческого тела. Глюкокортикоиды, к которым относится и декадрон, влияют и на уровень сахара в крови, и на работу почек, и на синтез ДНК. Без

этих гормонов человек загнется. Именно они поддерживают кровяное давление, помогают организму переживать шок травмы или тяжелые инфекции. Они отвечают за рост костей и плодовитость, развитие мышц и иммунитет.

Они изменяют состав крови.

Когда наконец двери запирают и гаснет свет, я ложусь на койку, чувствуя, как пульсирует кровь в моих жилах. Я представляю себе, как бешено циркулируют по моим венам и артериям кровяные тельца.

Я знаю, как они выглядят, я видел их не раз под микроскопом. Я знаю форму и функцию каждой клетки, и мне достаточно одного взгляда в окуляр, чтобы сказать, нормальная это кровь или нет. Я могу мгновенно оценить уровень лейкоцитов – белых кровяных телец, которые защищают нас от инфекции. Анализ называется дифференциальный подсчет лейкоцитов, и я как лаборант выполнял его огромное количество раз.

Я думаю о лейкоцитах, циркулирующих в моих сосудах. Вот сейчас у меня меняется тот самый уровень лейкоцитов. Таблетка декадрона, которую я проглотил два часа назад, уже растворилась в желудке, и гормоны начинают творить чудеса. Если взять у меня сейчас анализ крови, он покажет поразительную аномалию: резкий выброс лейкоцитов с дольчатыми ядрами и многочисленными гранулами в цитоплазме. Это зрелые нейтрофильные лейкоциты, которые немедленно идут в атаку на особо опасную инфекцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/tess-gerritsen/uchenik-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить